

Олег Северюхин

В лабиринтах темного мира

Похождения полковника Северцева. Том 1

Олег Северюхин

**В лабиринтах темного мира.
Похождения полковника
Северцева. Том 1**

«Издательские решения»

Северюхин О. В.

В лабиринтах темного мира. Похождения полковника Северцева.
Том 1 / О. В. Северюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741654-6

Во время расследования зверских убийств в новой гостинице следователь обнаружил межвременной портал и попал в Древний Рим, где начал жизнь никем и без средств к существованию и стал успешным римским гражданином, сведя знакомство с апостолом Петром. В минуту опасности следователь спасается в открывшемся портале и попадает в Древнюю Русь, а затем в Амстердам, а оттуда с помощью некоего Велле Зега Вульфа в Москву. В качестве последнего испытания Вульф предложил полететь на планету Тарбаган.

ISBN 978-5-44-741654-6

© Северюхин О. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог номер 1	6
Пролог номер 2	8
Пролог номер 3	9
Деликатное поручение	12
Отель «Лиссабон»	14
Треугольная комната	16
Психиатрическая клиника	18
В гостях у Брежнева	20
Допрос	22
Первое появление окна	24
Обратная заброска	26
Рассуждения на месте преступления	28
Западня для агента	31
Рассказ агента, часть 1	33
Рассказ агента, часть 2	34
Молодой Шекспир из СССР	35
Пытки людей	37
Поиск окна	39
Рим	42
Толик	45
Брут	48
Гимн 9 легиона	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

В лабиринтах темного мира Похождения полковника Северцева. Том 1

Олег Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

ISBN 978-5-4474-1654-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог номер 1

Утро на космической станции ничем не отличалось от миллионов таких же утренних часов, каких было очень много и которые требовали пробуждения и начала рабочего цикла. Но, похоже, что работы подходят к концу и нужно возвращаться домой.

В каюте раздался механический голос, настроенный на приятный тембр, который приглашал на производственное совещание в кают-компанию.

Сборы в кают-компанию были очень редкими, хотя поначалу все встречались там, завтракали, обедали, ужинали, проводили часы досуга, но потом все стали отдаляться друг от друга и жить своей жизнью, так как долгое нахождение людей в компании начинает раздражать, а, порой, и приводить к неизбежным конфликтам. Каким бы толерантным ни был человек, но наступает момент, когда внутренний зверь начинает вырываться наружу и искать соперника, с которым он бы мог схватиться если не наравне, то с большой уверенностью в победе. Зато в собственной каюте, а затем и на своём месте в лаборатории этот зверь успокаивался и удовлетворенно мурлыкал, когда случалось сделать открытие или точно исполнить заданные работы.

Экипаж станции был небольшим – всего пятнадцать человек, но все они были специалистами высшей квалификации, которым по разным причинам не нашлось места в спиральной галактике S во время активного звездообразования.

Никто не знал, в каком месте будет образовываться новая звезда, и какие планеты пойдут на её создание. Все жили в осознании неминуемой смерти, но, когда она произойдет, никто не знал. Возможно, это даже очень хорошо быть в неведении, потому что если знаешь, когда тебе придет конец, то тогда и жить неинтересно, особенно когда все остальные люди могут жить по тысяче и более галактических лет.

Процесс звездообразования стихийен и ни один процесс не был похож на другой. Поэтому Высший галактический совет озаботился подготовкой баз, то есть планет, пригодных для жизни и относительно обжитых для появления переселенцев, а аборигены должны быть относительно развитыми, чтобы попасть в услужение галактянам.

Работа по оживлению долгая и монотонная и выполнение ее может сравниться то ли с вечным изгнанием, то ли со смертной казнью, которую очень давно отменили и заменили работами на отдаленных участках, откуда люди никогда не возвращались.

– Итак, господа, – обратился ко всем капитан Зевс, – работы закончены. Планета имеет атмосферу, животный мир приведен в соответствие с требованиями безопасности и аборигены стали развиваться из земноводных в прямоходящих. Портал размещен в недоступном месте и всем нам разрешено вернуться на S. Но, – прервал он общие аплодисменты, – одному члену экипажа придется остаться здесь в готовности принять на планете первых переселенцев. Добровольцу гарантируется полное бессмертие и обладание высшими силами Зла и Добра. Итак, кто готов сохранить результаты трудов наших?

Зловещая тишина повисла над кают-компанией и радостное известие о возвращении домой сменилось напряженным ожиданием выбора, который мог пасть на любого из них, за исключением капитана и сотрудников навигационно-двигательной службы. То есть, кто-то из семи исследователей должен остаться на планете.

Добровольцы сидели молча. Они и так не надеялись на возвращение домой, а тут такая радость и неприятная процедура выбора. Если бы кого-то просто наградили силами Добра и Зла и дали бессмертие, то каждый бы вставал и с горячностью доказывал, что только именно он достоин такой награды. А с этой наградой нужно оставаться здесь, и каждый стал доказывать, что именно он не может принять эту награду. Причем всё делалось так убежденно, что капитан Зевс начал испытывать чувство неловкости от того, что именно ему придется делать выбор из членов своей команды.

Последним встал старший дезинсектор Велле.

– Приношу свои извинения, капитан, – сказал он, – но я не могу привести убедительных доводов, почему я должен лететь домой вместе со всеми. У всех такие убедительные обстоятельства, что я совершил бы зло, оставив кого-то из них на этой планете. Вероятно, мне придется остаться здесь, – и он сел на свое место.

Вздых облегчения пронесся по всей кают-компании.

– Велле сам виноват, – думали все, – мог бы и отказаться, пусть капитан делает выбор.

Улетающие нисколько не сочувствовали дезинсектору. Он уничтожил динозавров и саблезубых животных. Планета безопасная. Он становится практическим царем и это ненадолго, скоро через пространственный портал будут прибывать первые поселенцы.

Обретший былую уверенность капитан встал и торжественно произнес:

– Старший дезинсектор Велле! Властью, данной мне Галактическим Советом, нарекаю вас Князем невидимой части мира по имени Вельзевул. До прибытия Совета вы являетесь полномочным хозяином вселенной вокруг здешнего солнца. Прощайте, наш друг!

Вставшая команда громом аплодисментов приветствовала остающегося князя.

Пролог номер 2

Три святителя – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст собрались в скиту старческом и беседы вели о вопросах самых важных, а отроки, грамоте обученные, вели записи для памяти потомков и руководства народа русского в жизни дальнейшей.

Думали отцы над вопросами главными, без решения которых невозможно определить порядок и послушание во всех землях. А именно.

Которая церковь над церквами мати?

Таковой является соборная церковь св. Софии в Константинополе, по образцу которой строились церкви во всех главных городах русских и церковь иерусалимская Воскресения Господня на Голгофе, где полагается и «Пуп Земли».

Который у нас камень камням отец?

Это камень Алатырь – алтарный камень Сионской церкви, на котором впервые принесена бескровная жертва. Народ называет его Латырь или бел-горюч камень, располагающийся в Центре Мира посреди моря-океана на острове Буяне. На нём стоит мировое дерево или трон мирового царствования. Из-под камня по всему миру растекаются целебные реки и охраняют его мудрая змея Гарафена и птица Гагана. Кит-рыба, на которой земля держится, водится в Ильмень-озере, являющемся матерью всех озёр и из которого вытекает Иордань – всем рекам мати.

Который зверь всем зверям отец?

Это индрик-зверь – фигура, сложенная из сухопутного зверя-единорога и зверя водяного, связанного с греческой гидрой.

Которая птица всем птицам мати?

Это птица Феникс.

Которое царство выше над всеми?

Самое высшее царство – это Царствие Божие. Самое низшее это Царствие Небожие. И оба по силе своей равны, иначе на земле не уживались бы Добро и Зло рядом, и неизвестно, когда Добро идет во Зло, а когда Зло делает Добро.

Все это записано было в Голубиную книгу, которую постепенно запретили, так как в книге объединились христианские и языческие мотивы.

А затем один из вопросников обращается к Давиду с просьбой растолковать его сон: он видел, как бились два зайца, белый и серый. Белый после битвы пошёл под небеса, а серый – по сырой земле. Давид толкует, что белый заяц – Правда, а серый – Кривда; Правда пошла на небеса, а Кривда осталась на земле. И в летописях пишется, что «у наместников, у тиунов их и дьяков правда и крестное целование взлетели на небо, а Кривда начала между ними ходить». Вот и разбирайтесь, люди, где правда, а где Кривда и кому она благоволит, а кого неволит.

Пролог номер 3

– Что вы суетесь ко мне со своими бабками и дедками? – кричал главный распорядитель работ. – Я не верю в ваши рассказы. Вот результаты геофизической разведки. Выбранная нами местность имеет скалистую структуру и идеально подходит для строительства многоэтажного здания. А что предлагают ваши старички? Низину, в которую будет скапливаться вода и превращать прилегающую местность в болото?

– Николай Николаевич, да у них тысячелетний опыт подбора мест для расположения деревень, сел, городов и мест битв. И ни разу они не ошиблись с выбором, – сказал прораб.

– Эти старички выбирали места битв? – захохотал главный строитель.

– Ну, не эти конкретно, а их кровные родственники – деды, отцы, бабки и прабабки, – сказал прораб.

– Ну, вот что, бабки-прабабки, – сказал главный, – нехер мне лапшу на уши вешать, иди и готовь нулевой цикл.

– Я-то готов, Николай Николаевич, – сказал прораб, – да только давай мне письменное распоряжение о месте производства работ, потому что когда небоскреб съедет с этого валуна, то пусть инвесторы с тебя спрашивают за все последствия, а я человек подневольный, что мне скажут, то и делаю. А бабки и дедки говорят, что это горяч-камень. Нет у нас здесь гор. И никогда не было. И моря поблизости нет, чтобы оно вот так обломок скалы закруглило. Люди в этом месте не селились и даже лес здесь не рос. Как была плешина, так и осталась. Не к добру все это.

– Будет тебе бумага, – сказал главный строитель, – иди и работай, у инвесторов денег немеряно и на расходы они не поскупятся.

– Смотри сам, – махнул рукой прораб, – низина на предлагаемом нами месте небольшая и будет уравнена с местностью вынутым под фундамент грунтом. Для начала работы много ума не надо, на переделку больше времени и средств уйдет.

Главный строитель понимал правоту прораба. У него самого было какое-то подспудное неприятие этого места, но решение инвесторами было принято. Очень им понравилась каменистое плато для строительства объекта века. Район никогда не был сейсмическим, есть болота, но и они не близко отсюда, зато тянутся до самого Петербурга. Вода в этих болотах чистая и они являются огромным резервуаром, питающим всю водную систему Центральной части России.

Если верить всем предсказаниям, то можно уже сегодня ложиться в гроб, складывать на груди руки и ждать светопредставления, которое случится в 2012 году. А горяч-камень, если верить легендам, это связующее звено между человеком и богами. Вот пусть они и помогают строительству.

И вообще, нашему народу очень интересно узнать, что же будет с нами через миллион или через тысячу ближайших лет. Вряд ли что-то изменится кардинально, но что-то, конечно, будет. Будет развитие техники. А закономерность проста, чем сильнее развивается техника, тем слабее и неприспособленней к жизни становится современный человек.

Раньше человек был добытчиком. Ловил рыбу, охотился на съедобных животных, ходил на дальние расстояния, делал заготовки, воевал, защищался от сильных соседей и сам грабил более слабых. Слабые не выживали. А вот женская слабость была силой.

Что может сделать технический человек против вооруженного дикаря? Да почти ничего, если нет огнестрельного или другого оружия. Стрельнул из помпового ружья или из самозарядной винтовки и нет опасности.

Закладка суперсовременного отеля прошла с помпой. Были высокопоставленные чиновники федерального и губернского уровней, артисты за хороший гонорар, художественная само-

деятельность, телевизионщики и корреспондентская братия, делающая пометки в своих блокнотах и что-то записывающая на портативные диктофоны.

Заслуженная актриса взяла в руки привязанную к веревке бутылку шампанского и запустила ею в лопату бульдозера. Вербка была привязана к стреле подъемного крана. Как-то получилось так, что бутылка пролетела над лопатой и попала в лобовое стекло трактора «Катерпиллер».

– На счастье, – дружно сказали все и зааплодировали, когда на помощь актрисе пришел федеральный чиновник, направив бутылку в нужном направлении.

Кто-то постарался и на казенные деньги купил бутылку дорогого красного «Цимлянского» шампанского. Бутылка с хлопком разбилась и по лопате бульдозера поползла красная пузырящаяся масса, как в забойном цехе мясокомбината.

Присутствовавший на освящении стройки священник сплюнул в сторону и торопливо троекратно перекрестился.

– Свят, свят, свят, – говорила какая-то старушка в задних рядах. Она вместе со старожилками этих мест по заявке местных предпринимателей ножками исходила местность, проверяла лозой и нашла самое удобное место для строительства, но ее предложение не приняли. – Теперь жди настоящей крови, – сказала она.

– Вот ведь обмылки жизни, – усмехнулся подошедший позже корреспондент, – если бы слушали таких типов, то и сегодня бы сидели у лучины и писали куриным пером.

Бульдозер снял символический слой земли на участке примерно в десять квадратных метров, а фундамент решили вырыть самым современным способом – взрывным – поднять массу земли и аккуратно положить ее на края огромной ямы. Взрывные заряды были заблаговременно уложены и ждали команды, чтобы взрывник крутанул ручку генератора и нажал на кнопку разряда конденсатора подрывной машинки.

Все отошли на почтительное расстояние и театрально зажали уши, чтобы не быть оглушенными взрывами.

Взрыв был негромким, но всех потрянуло основательно. Затем как бы нехотя земля поднялась и раздвинулась в разные стороны, вырыв котлован в считанные секунды.

Все подошли к яме и тут раздался взрыв одного не сработавшего заряда. Взрыв был громкий и трескучий, вырвавший из земли множество каменных осколков, запустив их веером в разные стороны и вверх.

Убитых не было, но несколько человек получили легкие осколочные ранения.

– Вот вам и первая кровь, – сказала древняя бабка и пошла в сторону от строительства.

Никто и не обратил на нее внимания.

Торжество закладки объекта было испорчено. Порванная одежда, грязь, царапины и ушибы от каменных осколков, падающих со всех сторон. Элита исчезла быстро, оставив строителей наедине со своим объектом.

Строительство отеля не было гладким. То падали краны, то обрывались тросы, то люди падали со строительных лесов. Особенно много травм было при работе в ночную смену. Создавалось впечатление, что кто-то специально тормозит строительство и делает всё, чтобы объект не был сдан. Но объект достроили.

Отель «Lissabon» стал самым красивым и высоким зданием в городе. Все дорогие иностранные гости останавливались только там. Свадьбы и торжества состоятельных людей проводились во многих банкетных залах отеля, принося немалый доход его владельцам.

Владельца отеля неоднократно спрашивали, почему название отеля именно «Лиссабон», какое отношение имеет это название к построенному гостиничному комплексу. Все оказалось очень просто.

– В армии наш взводный всегда материл нас этим словом – «Лиссабон вашу мать». Вот и я дал отелю это название, чтобы сказать всем – «Лиссабон вашу мать».

Как и всякое грандиозное сооружение, отель имеет свои тайны, легенды и даже привидения. Как же без них? Если их нет, то чего простому миллионеру или миллиардеру там делать? Для чего он будет раскошелиться, если нечем нервишки потрепать и получить настоящую и полновесную порцию адреналина?

Агенты по пиару неплохо потрудились над созданием имиджа главной городской гостиницы. Немало денег было потрачено на то, чтобы каждый человек с уважением и некоторым трепетом смотрел на это здание и на проживающих там жильцов.

Разведки всего мира устремились в номера отеля, заглядывая в каждую постель, принимаясь к простыням и проводя инфракрасную видео и киносъемку сюжетов, которые и до сих пор лежат в потайных отделениях несгораемых сейфов центральных разведывательных управлений.

Отель был облюбован и криминалом, который первым обратил внимание на странные вещи, происходящие там. Какая там организованная преступность, если неизвестно кто делает с братками все, что угодно и никто не может найти на него управу.

Деликатное поручение

Сразу после Дня защиты детей меня пригласили к топ-менеджеру, то есть к главному руководителю и совладельцу самого крупного в городе банка. По идее, он давно должен был загорать где-то в Испании на собственной вилле или в другом месте, где у него имеется недвижимость. Те, кто соскребают проценты с наших денег на вкладах, предпочитают иметь убежища от тех, кто может спросить их:

– Чего ж ты жируешь на наши деньги, а страна становится нищей?

Вызов этот был для меня в диковинку. С банками я дел не имел. Есть у меня пенсионный вклад в Сбербанке и там денег столько, что хватит съездить на недельку в Турцию одному и то в один конец.

В банке меня уже ждали и сразу провели к директору.

– Андрей Васильевич, – директор встретил меня как старого знакомого, с которым давно не виделся. – Как поживаете?

– Спасибо, – сказал я, – чем обязан?

Не люблю я эти восточные премудрости с выяснением здоровья всех моих баранов поименно, пересчитыванием ложек в выдвижном ящике кухонного стола и непременно чаепитием. Хотя, кофе и чаепитие – это неплохая процедура, особенно если человек с дороги или с момента завтрака прошло уже немало времени.

– Андрей Васильевич, – начал директор, – позвольте один маленький вопросик. Почему все называют вас Андре? У вас есть французские корни?

– Никаких французских корней, – улыбнулся я, – простой рационализм друзей, легче сказать Андре, нежели Андрей. Разница в одну букву, а все же экономия. Как у американцев, вещь стоит не сто долларов, а девяносто девять и девяносто девять центов. На один цент ничего не купишь, зато в целом складывается кругленькая сумма экономии. Кстати, по этому поводу анекдот. Приходит мужик в ресторан и заказывает девяносто девять стаканов чая.

– Девяносто девять, – удивился банкир, – а почему не сто?

– Что я лошадь, что ли? – ответил посетитель.

Я непринужденно балагурил, лихорадочно соображая, в какую сторону повернется разговор, настораживающий тем, что возле больших денег постоянно вьется темная сила, как паук засасывающая в свои сети всех, кто пролетает мимо них. Пикантность ситуации придавало и то, что респектабельный банкир имел довольно темное прошлое, которое никуда не делось за блеском современного дизайна его кабинета и всего банка.

– Ха-ха, – рассмеялся банкир моему анекдоту и сразу перешел к делу. – Андрей Васильевич, у меня к вам конфиденциальное дело. Я даже не знаю, как начать разговор, потому что кое-кто уже пытался говорить с вами, но получил довольно острый отлуп и на его хвост сели некоторые бывшие ваши коллеги. Все-таки, корпоративность – это большая сила.

– Корпоративность корпоративностью, – согласился я, – но и меры предосторожности бывают нелишними, особенно в отношениях с теми, кто живет не по государственным законам.

– Не скажите, – засмеялся банкир, шутливо помахав указательным пальцем.

– Если считать законной жизнь по статье в условиях режимного объекта, то это не есть сознательное исполнение законов, – отпарировал я.

– Но я хочу предложить вам дело, которое будет подчиняться только вашим законам, – сказал банкир.

– Что значит – моим законам? – не понял я.

– А это значит, – сказал мой собеседник, – что никто вам не будет связывать руки и ноги и все, что вы сделаете, будет неподсудно и ненаказуемо со стороны законов дня и со стороны законов ночи. И экзаконность гарантируется обеими сторонами.

Я задумался. Судя по всему, мне предоставляется карт-бланш во всех делах, как и агенту 007 на службе Её Величества. И все это должно быть шито-крыто. Я прошел полный курс коммунистического оболванивания – октябрята, пионеры, комсомольцы, члены партии – и, по идее, должен быть способен на всё от сдачи палачам своих родителей и приведения в исполнение приговора коммунистической партии своему лучшему другу. Но среди двадцати миллионов советских коммунистов встречались и нормальные люди, а остальные продолжают служить режиму, прикидываясь демократами. И этот банкир тоже не был исключением из правил.

– На заказное убийство подписываться не буду, – твердо сказал я, поднимаясь и заканчивая беседу. – Шутники вы, однако, господа миллионеры, очкарика в киллеры...

Банкир схватил меня за рукав и быстро заговорил:

– Никаких убийств, Андрей Васильевич, нам нужен грамотный и умный человек, имеющий опыт проведения расследований. Причем таких расследований, о которых никто не должен знать. Речь идет об отеле «Lissabon». Мы стоим на грани войны между правоохранительными органами и криминальным миром. И победы в этой войне не будет, потому что, знаете ли, всё в жизни так переплелось, как в гражданскую войну и не понятно, кто у нас красные, а кто белые, кто ночной дозор, а кто дневной. Вот нам и нужен человек, как бы нейтральный от всех и способный поставить точки над «i».

– Что-то вы все вокруг да около, давайте к делу, – предложил я. – Если я задаю дополнительные вопросы, то, в принципе, я как бы даю согласие на ваше предложение.

– Интересно вы облекаете свое согласие, – сказал серьезно банкир и продолжил, – в отеле творятся страшные вещи. Пропадают и гибнут постояльцы. Много изувеченных людей. Оставшиеся в живых повернулись рассудком и несут такую чушь, которую не могут квалифицировать врачи психиатрических клиник. Помогите нам разобраться с этим. Мы гарантируем вам солидное вознаграждение. Все расходы будут оплачиваться немедленно. И скажите, какая вам нужна помощь?

– В милиции эти преступления зафиксированы? – спросил я, потому что никаких официальных сообщений о преступлениях в отеле не было.

– Какая регистрация, – ухмыльнулся мой наниматель, – будут они портить показатели? Убитых сотрудников наградили и похоронили с почестями. Погиб на боевом посту, охраняя социалистическую законность. Тьфу, привычка, просто законность или капиталистическую законность, если хотите. И материалов расследований нет. У нас, кроме как по телевизору, никто лабораторных расследований не проводит. Всякие там генетические экспертизы это на уровне фантастики. Если по каждому происшествию анализы делать, то министерство внутренних дел через месяц вылетит в трубу вместе с государственным бюджетом.

– У меня к вам просьба, – сказал я. – С завтрашнего дня я поселюсь в гостинице и прошу прислать мне все имеющиеся материалы для ознакомления. Все равно, что-то нужно знать конкретное. Любые сведения мне будут важны.

На том мы и расстались.

Отель «Лиссабон»

Семье я ничего не объяснял. Сказал, что для дела мне нужно пожить в отеле. На связь буду выходить сам. И что всё оплачено.

– Не нравится мне эта халява, – сказала жена, – ты лучше будь там осторожнее и не лезь на рожон.

Утром я уже был постояльцем одноместного, но двухкомнатного номера на пятом этаже отеля «Lissabon».

Название отеля так и пишется латинскими буквами и читается не как «Лиссабон», а как «Лишабон». Все американизируемся. Скоро будем писать заявления с таким же текстом как генерал Ермолов: «Государь, произведите меня в немцы или в американцы». У нас даже доллары в ходу, как будто мы заштатный американский штат.

И последнее, чтобы не интриговать читателя своей личностью. Северцев, Андрей Васильевич. Андре. Я не следователь. Не юрист. Не милиционер и не бывший сотрудник ЦРУ. Просто моложаво выглядящий пенсионер. Служил в пограничных войсках, дослужился до полковника и ушел на пенсию в возрасте чуть за сорок лет. Зато человек любознательный и в непорядочности меня упрекнуть трудно, отчего ко мне иногда обращаются за помощью в вопросах частного сыска. Но только не по семейным делам. Я потом, при случае, расскажу вам, какие расследования у меня были.

Номер мне достался в экономическом поясе. Считается, что в высотных зданиях самые престижные номера чуть ли не на самом верху. Я так не считаю. Представьте, что что-то случилось. И что вы будете делать на самой верхотуре? Кричать или нестись бегом по задымленной лестнице вниз? Или надевать на себя парашют и прыгать с ним в окно, если вам удастся открыть его и найти в гардеробе ранец парашюта?

Сейчас пару слов об экзаконности. Это я такой термин придумал как аналогию с термином экстерриториальность, то есть внеземельность и неподсудность местному суду по уголовным делам. Так и экзаконность есть незаконность и неподсудность по существующим законам. И эта экзаконность свела на нет моё инкогнито работы в отеле.

Для обеспечения моей безопасности и неподсудности пришлось собираться вместе криминальным авторитетам и представителям правоохранительных органов. Дико звучит? Еще как дико, но такова наша жизнь. Да и жизнь в благополучных странах мало чем отличается от нашей, просто там законы лучше работают и не делают разницы между властью имущими, криминальными авторитетами, правоохранителями и законопослушными гражданами.

Для меня была подготовлена обобщенная справка о происшествиях в отеле за последние десять лет. Обо всех происшествиях. Прямо скажу, цифры, впечатляющие по числу убийств, самоубийств, исчезновений людей, ограблений, пищевых отравлений, членовредительства, мошенничества и психических заболеваний.

И надо сказать, что не все фиксировалось в службе безопасности отеля, чтобы не привлекать внимания полиции и прокуратуры.

Справка мне ничего не дала. Что может дать справка по статистике правонарушений в нашей стране? Только лишь оценку состояния нашего общества и эффективности работы органов, стоящих на страже закона. Больше ничего, хотя у каждого преступления есть место, время, фамилия, имя, отчество, возраст и обстоятельства.

К справке прилагались единый механический и электронный ключи к дверям всех помещений отеля как признак доверия и важности моего задания.

Два дня я ходил по этажам. Большей частью в позднее и ночное время, чтобы мне никто не мешал. Присматривался ко всему. Нюхал и ничего не нанюхал. Устал невероятно. Ходьба

по коридору не менее трудна, чем ходьба по лечебному терренкуру где-нибудь в предгорьях курортных зон.

Особо меня удивило то, что я не мог прямо ходить по коридору. Меня все время сносило то в одну, то в другую сторону. Как будто полы в коридорах неровные. Причем на каждом этаже.

Тоже я заметил и в своем номере. Под ножки мебели подставлялись деревянные подпорки, чтобы выровнять мебель и придать ей устойчивость, но даже в кровати меня не покидало ощущение, что я лежу на неровной поверхности и, в конце концов, где-то к утру свалюсь с нее.

Неровность я заметил еще и по уровню воды в моем стакане на столе. Сначала я не обратил на это внимание, но неровность поверхности заметна любому наблюдательному человеку.

Признаюсь, что я иногда балуюсь энергетическим маятником. Это миниатюрный строительный отвес – маленькая заостренная латунная гирька на тонкой нитке. Мне всегда смешно, когда этот маятник начинает самостоятельно качаться над рукой между большим и указательным пальцем, стоит только задать какой-то интересующий вопрос и, сказав, как должен качаться маятник при положительном или отрицательном ответе.

В гостинице маятник играл роль отвеса, который показал, что стены гостиницы наклонены, не так сильно, как у башни в итальянском городе Пиза, но достаточно заметно. Выйдя на улицу, я проверил свои наблюдения с помощью отвеса и констатировал, что отель наклоняется в одну сторону. Если так пойдет, то в какой-то момент здание может рухнуть, уничтожив как постояльцев, так и жителей близлежащих домов.

По результатам своих наблюдений я встретился с главным инженером гостиничного комплекса.

– Что вы, что вы, – замахал он руками в ответ на мои предположения. – Гостиница стоит на монолите. Никакое землетрясение ее не шелохнет. А стены, они иногда имеют свойство быть кривыми. Что сделать, если строители немного напортачили?

– Мне кажется, что вы принимаете меня за представителя контролирующих органов, – сказал я, – неужели вас не предупредили, что на мои вопросы нужно отвечать откровенно?

Главный инженер сидел молча.

– Я уже попытался довести свою озабоченность этим до инвесторов, – сказал он, – но меня никто не хочет слушать. По моим подсчетам, с момента сдачи в эксплуатацию отклонение верхней точки от оси составило около пятидесяти сантиметров. Но нет никаких повреждений и деформаций фундамента и коммуникаций. Выходит, что двигается скалистая масса, на которой стоит здание. Как она поведет себя дальше, непонятно. Похоже, что мы стоим на шаре и при достижении критического угла можем упасть вместе с шаром. А каким будет критический угол, невозможно даже представить.

– А как работает лифтовое хозяйство? – спросил я.

– Пока нормально, – сказал главный инженер, – но есть повышенная электромагнитная напряженность.

– И в чем это проявляется? – поинтересовался я.

– Пока ничего страшного, – сообщил он, – у нас самый быстрый интернет, более яркое свечение ламп при нормальном потреблении электроэнергии и что самое удивительное, здесь заводятся автомобили, у которых в других местах «нет искры».

– А ваши работники не замечали странностей в гостинице и в подсобных помещениях? – задал я самый интересующий меня вопрос.

– Как вам сказать, – замялся мой собеседник, – у нас каждый встречается с какими-то странностями. В слесарке такого можно наслушаться, что уши завянут. Но это все рабочие байки, потому что такого в принципе быть не может или может быть, но только по пьянке.

Треугольная комната

– Так что это за пьяные байки? – спросил я.

– Да, – инженер снисходительно махнул рукой, – сантехник Никифоров с похмелья то ли подрался с кем, то ли стукнулся обо что-то, получил фонарь под глаз и начал заговариваться. Говорит, что был в дикарском племени, которое не знает даже огня. Когда он прикурнул от спички и зажег им костер, то они сделали его своим вождем. Его, конечно, подняли на смех. Никифорова это крепко задело. Он стал в деталях описывать то, что можно увидеть только в краеведческом музее. Жена написала на него заявление, когда он сказал, что переспал со здоровенной дикаркой, которая намного сексуальнее жены. Ну, та и обиделась. А в психушке ему тоже не поверили, а он кричит дико, когда ему не верят, ну и поместили его к буйным больным.

– Он единственный из ваших работников, кто попал туда? – задал я очередной вопрос.

– Не первый, – как-то неуверенно сказал главный инженер. – На моей памяти человек пять увезли и все с белой горячкой, богов видели, а один так с Брежневым водку пил.

Было бы неплохо потравить байки вместе со слесарями, но это все равно, что объявить о моем специальном задании в отеле. А если знает один, то завтра будут знать все, а послезавтра об этом заговорит весь город, а там и весь мир узнает о тайнах отеля «Lissabon».

Справки о совершенных убийствах были достойны пера автора ужастиков про маньяков и про бензопилы под номером два и три.

Практически все трупы были ужасно изуродованы. Патологоанатомы дают только описание нанесенных повреждений, а уж следователь или читатель сами должны догадываться, как и что было.

Честно говоря, людям с неуравновешенной психикой или расстроенными нервами лучше не читать мои записки о путешествиях по отелю «Lissabon».

Каждый день приносил что-то новое и неожиданное.

Также неожиданно я столкнулся с дамой, выходившей из треугольной комнаты, и от ее крика чуть сам не закричал, но вовремя спохватился, закрыл ей рукой рот и снова втолкнул в ту комнату, из которой она выходила.

Меня тоже удивило, что комната треугольная, но я быстро представил себе конфигурацию гостиницы в виде не полностью открытой книги и успокоился. Таких треугольных и параллелепипедных помещений должно быть немало и все они входят в категорию подсобных. А нечистая сила как раз и любит такие аномалии.

– Ты кто такая? – строго спросил я и удивился ее молчанию, видя перед собой осмысленные глаза.

Она что-то замычала, и я понял, что еще не убрал свою руку с ее рта и круглой попки.

– Я начальник отдела персонала гостиницы, а вы кто? – начал вопрошать освободившийся рот женщины.

Она производила хорошее впечатление своим телосложением, строгим костюмом, подчеркивающим фигуру, и использованием губной помады, не оставившей красного следа на моей руке.

– А я ваш постоялец, – сказал я спокойно. – Вы так напугали меня, что я хотел спрятаться где-нибудь от опасности.

– И утащили с собой меня? – насмешливо спросила она.

– Не мог же оставить вас одну, – поддержал я предложенный тон, переводя разговор во фривольное русло. – А что, ваши сотрудники часто встречаются с привидениями в коридорах отеля?

– Частенько, – улыбнулась она, – и привидения, как правило, подшофе, с бутылкой шампанского и коробкой конфет в руках. Иногда и пристают к горничным, – она посмотрела на меня, прищулив один глаз.

– А к начальнику отдела персонала тоже пристают? – спросил я.

– Да они, пожалуй, пристают к любому шевелящемуся существу женского пола, – усмехнулась женщина.

– А нельзя ли об этом поговорить за чашкой кофе у меня в номере? – предложил я. – Я человек характера смирного, собираюсь писать большой роман о привидениях, и ваша помощь была бы неоценимой.

– Без служебной надобности нам нельзя заходить в номера постояльцев, – с явным сожалением сказала начальник отдела.

Я был перед выбором – прервать ли начинающуюся связь и не повредит ли мне это в моем расследовании? Взвесив все за и против, я пришел к выводу, что в речке с крокодилами купаться можно, соблюдая особую осторожность и не переходя установленных линий разграничения между дикой природой и цивилизованным миром.

– Не беспокойтесь, – успокоил я ее, – помощь в написании романа является делом общественным и в то же время служебным. Если хотите, то ваше руководство прикажет вам быть постоянно рядом со мной и оказывать во всем помощь.

– Даже так? – сказала начальник отдела. – Тогда пойдемте пить кофе.

Психиатрическая клиника

Я не буду подробно описывать процесс моего близкого знакомства с Полиной. Это так зовут начальника отдела персонала отеля. По всем вопросам можно сказать только одно – класс!

Так уж мы, мужики, устроены – кобелиное в нас непоколебимо. То есть – непоколебимо. Мне не приходилось встречать таких представителей мужского пола, которые, идя под руку с шикарной дамой, не раздевали бы взглядом, идущую впереди или навстречу женщину, и не примеряли, какая постель будет подходящей в данном случае.

Даже люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией, но мужской внешностью, не могут изжить у себя этого кобелиного свойства, какие бы таблетки они не пили и у каких психоаналитиков они не просиживали диваны. Даже женская одежда не убивает напрочь мужские гены.

Через Полину я могу выходить на любого представителя персонала гостиницы и выяснять то, что мне нужно.

По ее словам, некоторые горничные рассказывают, что иногда днем, но чаще ночью в глухих стенах как бы появляются проемы, закрытые то грубой материей, то дорогими занавесями.

Если заглянуть за занавеску, то можно увидеть либо незнакомое жилище или незнакомую местность и людей, которые там ходят. Никто из них не отважился переступить порог за занавесью.

– А как мужчины? – поинтересовался я.

– Один сантехник попробовал, – сказала Полина, – был там пару минут, но ему пришлось вызывать специализированную скорую помощь, потому что он начал говорить, что выпивал с генеральным секретарем компартии СССР Брежневым. Его, конечно, подняли на смех, а он в драку. Вот и сидит там, где положено.

– А вдруг он говорил правду? – спросил я.

– Андре, – укоризненно сказала Полина.

Я не стал развивать эту тему. Это всё равно, если верующему говорить, что Бога нет. Но в психоневрологический диспансер или лечебницу, в народе – дурку – придётся наведаться.

Проблем с пропуском не было. Был даже приватный звонок главврачу с просьбой обеспечить режим наибольшего благоприятствования.

– Ваша фамилия не Чехов? – ласково осведомился врач средних лет с чеховской бородкой и с таким редким нынче пенсне на носу. – Напишите о нас бред какого-нибудь сумасшедшего, а нам потом отдуваться и доказывать, что психи не мы.

– Не волнуйтесь доктор, – улыбнулся я, – о нормальных людях я ничего не буду писать. Меня интересует бред сумасшедших и этот же бред интересует подавляющее большинство наших граждан. Чем бредовее информация или просто информационный посыл, тем больше людей, которые во всё это верят и даже хотят подражать тому, кто это изрекает.

– Интересно вы излагаете основные постулаты науки о психике, – улыбнулся главврач. – А вы знаете, что все люди шизофреники, только одни со знаком плюс, а другие – со знаком минус? И частенько бывает, что минусовые шизофреники более здоровы, чем плюсовые?

– Как это? – не понял я.

– Основными признаками шизофрении являются бредовые идеи и галлюцинации, – сказал человек в пенсне, – так вот частенько идеи и видения наших пациентов являются более здоровыми, чем идеи и видения тех, кому доверены самые важные посты в нашем государстве. А врачи – они марионетки в руках плюсовых шизофреников. Прикажут и плюсовика делаем минусовиком, а не то нас выведут в минус. Разве может нормальный человек послушаться того, кого народ облёк властью? Весь народ не может быть шизофреником! Так вот, батенька, все-

народная шизофрения и есть самая опасная. Народ-шизофреник. Об этом даже думать опасно, а ведь более семидесяти лет большинство были ими. Или возьмите резонёрство. Люди много говорят, но ничего не делают.

– Стоп, доктор, – я сделал останавливающий жест рукой. – Мы с вами потихоньку от общих тем скатились к политике. У нас резонёров хоть пруд пруди. Любой человек, избирающийся на избираемую должность, по сути есть настоящий резонёр. И исключений в этом нет. Другие ежедневно резонируют с экрана, а воз поныне там и становится ещё хуже. Мне кажется, что нормальный человек ко всем высказываниям должен относиться критически с точки зрения полезности их для общества.

– К этому я вас и подводил, чтобы вы не верили никому – ни больным, ни здоровым, ни докторам, ни чиновникам, ни политикам. У них, у каждого, в потаённом местечке мозга нарисованы либо плюс, либо минус. И ещё одно. Во время разговора будьте внимательны и делайте вид, что верите всему, что вам говорят. Если захочется смеяться, то подождите того момента, когда больной засмеется сам. С кого начнёте? С маньяка – постояльца гостиницы, убившего с особой жестокостью двух других постояльцев или со слесаря-сантехника, который водку пил с Брежневым?

– Давайте Брежнева, – сказал я, – из двух зол выбирают меньшее.

В гостях у Брежнева

Нашу поговорку – от сумы и от тюрьмы не зарекайся нужно дополнить еще одним местом – и от дурдома тоже.

Сколько весёлых анекдотов про сумасшедших, от которых люди смеются взхлёб, но, интересно, как они будут смеяться, когда встретятся с сумасшедшим наяву? Он непредсказуем, как обезьяна с гранатой без чеки и любое действие может спровоцировать агрессию или, наоборот, агрессия сменится умиротворением. Кто его знает? Хорошо смеётся тот, кто смеется крайним.

Мой товарищ рассказывал, как он в лейтенантские годы отвозил в лечебницу свихнувшегося солдата. Дело было зимой. Сдал он солдата в приёмное отделение и идёт в своей парадной шинели, а около лечебницы мужики в телогрейках снег лопатами очищают. Увидели его, остановились, а один здоровый верзила закричал:

– Ребята, к нам Юрий Гагарин приехал, давайте качать его, – и все толпой пошли к нему.

Приятель мой чуть ли не по пояс в снегу добежал до дверей, а они закрыты, он в них колотит, а те всё приближаются.

Вдруг дверь открылась, выглянула пожилая медсестра и говорит:

– Чо, касатик, испужался? Ты не бойсь, это шефы с соседнего завода снег у нас убирают.

Первым в отведенную для меня комнату пришел сантехник Никифоров. Ничего в его внешнем виде и в поведении не было странного. Человек как человек. Пришел, сел и молчит. И что здесь ненормального? Вы бы стали приставать с вопросами к тому, кто вас вызвал? Недолго бы приставали.

– Здравствуй, Никифоров, – говорю я ему, – я из органов. Решили досконально разобраться с твоим рассказом. Расскажи мне ещё раз и со всеми подробностями, я все запишу, а потом будем решать, что и как. Понял?

– Понял, – говорит слесарь, – я им говорил, что найдутся умные люди, которые меня выслушают. Знаете, как трудно среди дураков жить? Но я приспособился. Чуть что и по сопатке им. Я к ним не лезу, и они ко мне не лезут. Не буяню и никому ничего не доказываю. Себе хуже. Чем больше доказываешь, тем больше шансов, что тебя в смирительную рубашку закатают и уколов в разные места наширяют, а от них потом корёжит. Говорят, что так же гестаповцы подпольщиков кололи всякими аминазинами, их корёжит, а они антидот предлагают за данные, значит. И весь персонал у нас сплошь шарфюеры и шуцманы.

– Никифоров, ты не отвлекайся, – остановил я его, – давай, говори по делу, у меня время казённое, я тут с тобой ночи ночевать не буду.

– Понял, шеф, – сказал слесарь и начал свой рассказ. – Шла обычная смена. Был вызов – из крана каплет. Дел на две минуты, а тут партия в домино неоконченная. Ребята меня ждут. Мотнулся я в номер и обратно. Иду по коридору и вижу – на стене кусок парусины висит и немного колышется. Представь себе, на шикарно отделанной стене с бронзовыми горизонтальными светильниками на стенах и парусина. Горничные ходят, пылинки сдувают, а тут кусок грязного брезента. Даже я внутренне возмущился. Подошел я к этому пологу и хотел дернуть. Только оттянул его от стены и вижу, что под ним проход куда-то. Люди у нас все любопытные и я тоже такой. Глянул туда, а там лес и прямо около лица ветка еловая качается. Как у Буратины. На стене картина висит, а под картиной дверь в светлое будущее.

Очутился я, значит, в лесу. У нас лето, а тут зима. Снег под ногами, а я в легком комбинезончике.

– Дай, – думаю, – метров на двадцать пройду, чтобы выход не потерять.

Выхожу на поляну и вижу, что в меня мужик целится из ружья. И на ружье оптический прицел. Стал я руками махать, чтобы не стрелял он в меня. Он ружье опустил, а ко мне уже человек пять мордovorотов бегут.

– Ну, все, – думаю, – к мафиозникам попал. Сейчас возьмут и в асфальт закатают.

Развернулся я и побежал туда, откуда пришел. А никакой двери не найду. Куда ни побегу, всё лес и лес.

Когда мужики стали в меня из пистолетов стрелять, то я и остановился. Руки поднял. Мне сразу руки за спину, наручники надели, карманы обшарили, чемоданчик с инструментами отобрали и потащили к тому мужику в домик.

Домик, скажу тебе, что надо. Настоящий охотничий. В сенях колеса разные тележные лаком покрытые, бадейки какие-то, лапти на верёвочках висят. В горнице везде морды звериные на стенах висят. Стол деревянный, здоровый, человек двадцать можно посадить. У стены скамейка широкая, а с другой стороны – стулья самодельные. На столе все мои инструменты разложены. И меня перед столом на здоровенную табуретку посадили.

За столом сидит мужик пожилой в сером свитере. Вроде бы я его где-то и когда-то видел, а вот где видел, никак от испуга и вспомнить не могу. Волосы у мужика густые с сединой и брови как шевелюра. Говорит басовито и как будто леденец за щекой держит:

– Ты кто такой?

– Никифоров, – говорю, – слесарь-сантехник, по вызову вот ходил...

– По чьему вызову? – хитро так спрашивает меня. – Ты на кого работаешь – на Суслова или Андропова?

– На Иванова работаю, – говорю я ему, – а из вашей кодлы я никого не знаю.

– Хорошо ты их обозвал, кодла она и есть кодла, – засмеялся мужик, – а кто такой Иванов?

– А это бригадир наш, – отвечаю.

– А он под кем ходит? – снова спрашивает мужик.

Понимаю, что организованную преступность мне шьют. Сейчас мешок на голову будут надевать и дубинкой по почкам бить.

– Слесаря мы, господин хороший, – завопил я. – Мы сантехнику чиним и никакой заказухой не занимаемся. Знаем, что все этажи по бандам расписаны, а сами ни-ни. Даже не пьем на работе. Выпил – и премиальные тую-тую.

– Ну, и сколько вам на премию выписывают? – осведомился мужик.

– Да жмут все, – сказал я, – если по тысяче выпишут и, то хорошо.

– По тысяче чего? – спросил мужик.

– Рублей, – говорю я ему.

– Рублей? – закричал мужик. – Где ты видел, чтобы сантехники на премию в месяц получали тысячу рублей? Ты понимаешь, что ты говоришь? У сантехника зарплата максимум сто двадцать рублей, и премия рублей десять. Всего сто тридцать. Это только шпионы иностранные не знают, сколько в СССР сантехники получают.

Тут я удивился. Какой СССР? Он двадцать лет назад развалился.

Это я и сказал мужику. Он аж поперхнулся своим леденцом. Глаза закатил и задыхаться стал.

Охранник мне по уху съездил:

– Ты чего деду гадости говоришь? Случится что, я тебя порву как Тузик грелку. Понял, сука?

Я кивнул головой. Почему в бандах боевики все такие кровожадные?

Допрос

Откуда-то прибежала врачиха в белом халате. Капель мужику накапала и давление изменила.

Мужик посидел немного, махнул рукой, отослал врачиху и чего-то пальцем показал.

Сразу прибежал официант с бутылкой и тарелками с едой. Перед мужиком поставили коньяк, рюмку. Он пальцем показал, чтобы рюмку убрали. Принесли большую стопку. Налили полную. Он выпил без закуски и у меня сразу слюна пошла от выпивки на столе рядышком со мной.

– Ну, рассказывай всё, – сказал мужик.

Ну, я и начал рассказывать про перестройку нашу, про демократию, едри её лять, про танделы и про бандитов, которые преспокойно мочат людей, и никто их не трогает, пока они не обнаглеют сверх меры и, если об этом не узнают за границей.

Если так разобраться, то я мало чего знаю. У телевизора сутки напролет не сижу, западные голоса не слушаю, хватает того, что студент Лёшка во время перекура расскажет.

Я сам-то в девяностых ещё пацаном был. Тогда и слесаря тоже в политику шли. Сидят сейчас в профсоюзах, морды важные, через губу плюют. И куда плюют? А в нас и плюют, в рабочий класс.

Вот сижу я и говорю ему это, а он себе подливает да закусывает, а я слюной захлебываюсь. Он, видать, тоже не из дворян, рукой махнул и мне рюмку водки поднесли и бутерброд с ветчиной. Кусок хлеба в палец толщиной и кусок мяса такой же толщины. И рюмка не наперсток, грамм на сто пятьдесят на малюсенькой ножке. Хлебнул я это залпом и сижу, закусываю, а сам вспоминаю, где я этого дядьку вспомнил. И ведь вспомнил. Брежнев это, Владимир Ильич. То, что Ильич – это точно, а вот имя, возможно, и путаю. Брежнев одним словом, самым главным в стране был. А водка хорошая, лучше нашей. Точно хлебная, а не ректификат из всякой гадости.

– Ты, – говорит мужик, – в каком году родился?

– В восьмидесятом, – говорю.

А тут ему на подносе мой бейдж принесли. А там моя фотография, должность слесарь-сантехник и дата выдачи – мая семнадцатого две тысячи одиннадцатого года и печать гостиницы. Все честь по чести, чтобы люди от меня не шарахались, а знали, что я есть должностное лицо и к ним иду по причине технической неисправности умывальных и отхожих мест.

– Это какой год? – спрашивает мужик.

– 2011-й, – говорю я.

– А сюда как попал? – задает вопрос.

– А хрен его знает, – говорю ему честно, – смотрю, в стене дырка брезентом прикрытая, залез, значит, в дырку и сюда попал.

– Так, так, – говорит мужик, – это значит, если бы я стрельнул, то попал бы в наше будущее? А ты знаешь, мил человек, что по диалектическому материализму это невозможно. Не-воз-мож-но! – И он поднял большой палец вверх. – Так вот, ты – провокатор и подослан ко мне специально, чтобы сбить меня с панталыка и привести все к массовым репрессиям для того, чтобы в будущем не было того, о чём ты мне говорил.

Тут я и струхнул. Начнут пытать, а я боли ух как боюсь. На прививку если идти, так меня трактором туда тащить надо. А если по морде будут бить не по драке, а просто так? И чего я им придумать могу, если я никого из ихней мафии не знаю, а по обществоведению в школе нам какую-то ересь преподавали?

– Ваше благородие, – говорю, – вот истинный крест, что всё вправду говорил. Пацаном я был, когда антиалкогольный закон ввели. Так мать говорила, что мужики в очередях за бутыл-

кой смертным боем бились. И папашку моего в очереди за водкой задавили. Мамка меня воспитывала. И коммунистов во власти нет. Президенты с министрами лоб крестят и со свечками по праздникам в храмах стоят.

– А, ну-ка налейте ему по-русски, – командует мужик.

Поднесли мне стакан водки с закуской.

А он все вопросы задаёт. Я ему, на что могу, отвечаю, а он все подливает, да спрашивает. На чем отключился, не помню. Как соображать начал, так слышу, что в комнате сидят десятка два мужиков и этот им про меня говорит, а я притаился, как бы в отключке. И, представь себе, никакого сушняка и голова чистая. Вот что значит продукт качественный.

– Так, кто у нас тут наукой заведует, давай, Дмитрий Федорович, объясняй, – говорит басовитый голос.

– Леонид Ильич, – говорит другой. Точно вспомнил, мужика этого Леонид Ильич зовут. – Это невозможно. Нам его американцы подкинули. Они там все что-то кумекают насчет загробной жизни и всяких перемещений мыслей в астрале. Надо допросить его с пристрастием, ещё не то запоет.

– А ты что, сам забыл уже, как тебе в НКВД зубы выбивали и какие ты там песни пел? – спросил хозяин. – Я бы не вмешался, так ты бы самого товарища Сталина в агенты парагвайской разведки записал. Я его и так напоил вусмерть, а что у пьяного на языке, то у него по трезвянке и на уме. Так вот, у него одно и то же. Никакой шпион так не сможет после литра водки легенду свою назубок знать. А кто у нас компьютеры вредными механизмами объявил? Где эта сука сейчас проживает? Вот ему зубы и посчитать надо. У этого мужика водка вызвала в памяти все, что он раньше где-то слышал. Я вам говорю – за державу обидно, за отставание наше полное и дурь несусветную. Так вот, с завтрашнего дня будем проводить реформы. И кто посмеет на пути встать, в лучшем случае с Никитой в домино во дворе играть будет. С меня люди в будущем спрашивать будут за качество своей жизни, а не с вас. Может, мне и начальника КГБ с министром внутренних дел сменить, пока вы все здесь? А то в будущем-то милиция вообще превратилась чёрт знает во что.

– Леонид Ильич, да когда мы вас подводили, – в один голос заговорили два человека, – да мы любую реформу обеспечим, пусть только кто-то рот попробует открыть.

– Ладно, успокойтесь, – сказал добродушно хозяин, – сейчас стол нам накроют в парадной зале, кабана готовят, что я тут недавно подстрелил, а мы с начальником КГБ потолкуем наедине.

Все ушли, а они вдвоем остались. И я неподвижно в кровати лежу.

– Так что, Владимир Ефимович, забирай этого молодца к себе, – говорит хозяин, – действуй осторожно, но подготовь своего человека и вместе с ним зашли в это будущее. Пусть он там выведает все, как положено. Парень должен быть грамотный. Найдите эту дыру и связь установите. Но только все в тайне, понял меня?

– Понял, Леонид Ильич, – сказал тот, – сделаем все в аккурате, комар носу не подточит.

Они ушли, а меня как куль унесли и положили в какую-то машину на диван. Понял я, что шевельнись чуть-чуть, дам понять, что всё слышал, то и песенка моя может быть спета.

Первое появление окна

Я слушал и понимающе поддакивал головой. Людям с расстроенной психикой нужно «верить». Но и не верить этому субъекту нельзя. Спросите сейчас любого сантехника, кого из председателей КГБ звали Владимир Ефимович? Не то, что слесари-сантехники, вы сами не ответите это вопрос. А кто в политбюро был Дмитрием Федоровичем и имел отношение к науке? То-то и оно. Первым был Семичастный Владимир Ефимович, а вторым – Устинов Дмитрий Федорович, сначала министр оборонной промышленности, а потом министр обороны. Вот и думайте, как оценивать всё сказанное?

Конечно, человек с развитым чувством воображения может нафантазировать что угодно, и всё будет похожим, если он обладает фундаментальными знаниями о той эпохе. А кто у нас это знает? Единицы специалистов. Проходит время. Поколения забывают то, что было. Как это у Екклесиаста? Нет памяти о прошлом, суждено всему, что было полное забвение и так же будет лишено воспоминаний ваше поколение.

Если людей не учить, то они забудут даже то, кто они такие. Язык свой забудут, будут говорить на смеси англо-франко-японского и нижегородского. Будут общаться только между собой, а потом вообще перейдут на мычание и объяснения при помощи жестов.

Никифорову я дал время на отдых, чтобы он не устал и мысли его не стали наслаиваться друг на друга в виде каши, которую невозможно понять.

На следующий день нашу беседу мы продолжили.

– Я таблетки не пью, – заговорщически сообщил мой собеседник, – поэтому голова моя чистая и не затуманена никакой дрянью. Научился я шарфюреров обманывать.

Мне довелось со стороны посмотреть, как обращаются с пациентами, то есть с переменным составом клиник, и в какой-то мере слова его о сотрудниках и их аналогах в спецслужбах соответствовали истине.

– Хорошо, – сказал я, – а что с тобой делали в КГБ?

– Ну, сначала меня проверяли на аппарате – вру я или не вру, – сказал Никифоров. – В кино я видел этот аппарат. Там стрелка фиксирует, когда ты правду говоришь, а когда неправду. Когда человек говорит правду – он спокоен, а когда врет, то дергается, потеет, глазки в разные стороны бегают, сердце бьется. А у меня с похмелья и сердце билось сильно, и руки потели и на каждый вопрос я отвечал так, как будто говорю неправду. И в итоге получилось, что я говорю правду.

Приставили ко мне куратора, который все выспрашивал, как и где я живу, сколько получаю, кто мои друзья, одним словом, всю подноготную узнавал. А мне что скрывать? Мне скрывать нечего. Родину не продаю.

Пили и водку с ним. Смотрел, как закуску нарезаем, записывал, какие ругательства матом в ходу, какие образцы сантехники, как ремонтируются. Можно сказать, что я ученика учил.

Потом вместе осматривали местность в том районе, где я вышел на Брежнева с ружьем. Исколесили немало, а ничего не нашли. Да как же тут найдешь. Я вышел под Москвой, а жил и работал в Сибири. Ты сможешь так? То-то и оно. Нужно ехать в Сибирь.

В Сибири мы тоже ничего не нашли. Гостиницы еще не было. Зато видел тех, кто работал со мной. Они еще были молодыми и не узнавали меня. Да и я с ними не заговаривал, не хотел нарываться на неприятности.

Поехали снова в Подмоскowie. Долго кумекали, как и что. Ученые приходили. Осматривали меня. Ходили вместе со мной по лесу. Рассматривали черту, которая была проведена по колышкам, отмечающим мои первые следы на снегу. Появился я из ниоткуда. Следовательно, около этих колышков и должен ждать, когда откроется дверь в мое время.

Я сам не знал, хочется ли мне возвращаться в свое время. Человек я холостой. Семей обзаводиться – хлопот на шею добавлять. В моё время квартиру мне не купить, а за просто так никто ее не даст. А в то время, выстоял в очереди и получил квартиру. Живи, не хочу. Бензин двенадцать копеек за литр. Лимонад «Буратино» столько же за пол-литра. Литр молока двадцать четыре копейки. Кружка пива двадцать четыре копейки. Колбаса «Докторская» два рубля сорок копеек. Водка «Московская» за два рубля восемьдесят семь копеек.

И тут я вспомнил, что я делал в гостинице, когда передо мной открылась эта дверь.

Вызвали меня в апартаменты. Вода в умывальнике протекает.

Жила в них одна мадама, жена какого-то миллионера, который скоро должен был туда приехать.

Ходила с постоянной охраной. Охранник в коридоре сидел по ночам. У меня еще чемоданчик посмотрел, нет ли оружия какого.

Вода из сифона капает тогда, когда прокладка порвется или крышка открутится.

А сама она открутиться не может. Кто-то ее открутил. Стал я работать. Проверил сифон, прокладку. Все исправно. А хозяйка рядом и в коротком пеньюаре. Стоит рядом и ногами голыми сверкает. Я глаза приподнял и обомлел. Стоит передо мной без трусов и подольчик повыше подтягивает. Ну, красные уши мои меня и выдали. Не от того, что я засмутился, а то, что внаклонку работал. А у нас с этим строго. С постояльцами ни-ни. С работы вышибут, а с такими крутыми – и жизни могут решить.

Я сифон закрутил, перчатки снял, а она мне в руки стакан с висками:

– Пей, давай, – и оливку зеленую в руках держит на закуску.

Я отказываться, а она на меня матом:

– Пей, мать-перемать, а то охрану позову, кричать буду.

Куда деваться. Выпил, оливку в рот и сосу, а она пеньюар-то вверх задрала, на ванную облокотилась и говорит:

– Давай!

– Чего давай? – спрашиваю, хотя чего тут спрашивать. Прикоснись, а потом пришьют изнасилование постояльца и накрутят по полной.

– Чего давай? – переспрашивает меня мадама. – Мать-перемать, баба в стойле копытом бьет от нетерпения, а ты тут в философию ударился? Учить тебя, что ли надо?

Ну, учить меня не надо. Семь бед – один ответ. Мотовилом меня родители не обделили, ну и обработал я ее два раза и без вынима.

Поцеловала она меня крепко, деньги в карман сунула, сколько не знаю, потому что деятели эти все из карманов вынули и даже не сказали, сколько у меня денег было.

– Давай, – говорит дама, – иди и жди вызова, засор в ванне чистить будешь. Фамилия-то у тебя как?

Я назвал и ушёл. И вот, когда я шёл по коридору, так мне проход этот и открылся.

Рассказал я это все своему куратору. Он так подозрительно на меня посмотрел и ушёл.

Дня через два пришёл и принес пять бутылок разного виски.

– Дегустировать будешь, – сказал куратор, – выберешь то, которое пил тогда. Понял?

Чего тут непонятного? Наливай да пей. Самое похожее оказалось последнее – с белой лошастью. Говорят, самое дорогое, а мне наливать начали с самых дешевых сортов. От жадности они в пролете оказались. Все пять бутылок допивать будем.

Около колышек палатку поставили утеплённую и в десять вечера стали баб мне приводить. Каждый день. Когда это по обязанности делается, то никакого кайфа.

Обратная заброска

В пятницу у меня была огонь-девка. В жизни такой не видал. И что ты думаешь? Прямо с девки меня сорвал этот куратор и за собой потянул. Ночь была, а в ночи щелка светится. Мы туда и нырнули. Да как-то так получилось, что я упал, а парень через меня кувыркнулся.

Встал я на ноги и не вижу никакой двери, в которую мы вошли. И парня с собой рядом не вижу. Коридор знакомый. Пошел в слесарку, а там бригадир наш на меня напустился:

– Ты где, мать-перемать, шляешься? Да за четыре часа можно двадцать номеров обслужить. И что это за одежда у тебя? А где твой бейдж? А где чемодан с инструментами?

Я ему пытаюсь чего-то рассказать про дверь в стене, а он меня наркоманом обзывает, главного инженера вызвал, врача, я им говорю, а они мне не верят, а потом приехали ребята в белых халатах и привезли меня сюда.

Сам же понимаешь, чем больше доказываешь свою правоту, тем больше козырей у врачей, чтобы доказать, что ты сумасшедший.

– Да, – говорю им, – было временное помутнение, но все уже в прошлом.

– А где этот парень? – спросил я.

– А не знаю, – просто сказал Никифоров, – может, и он мне просто привиделся.

Мы замолчали. Я молчал, стараясь не провоцировать всплеск галлюцинаций больного. И Никифоров молчал, с любопытством глядя на меня и ожидая нового вопроса. Что-то внутреннее подсказывало мне, что собеседник мой совсем не шизофреник. Это человек, спрятавшийся в психушке и дожидаящийся своего часа, когда ему нужно будет выйти и принять участие в чем-то серьезном и важном. А вот в чем? Это вопрос.

Я гнал от себя эти мысли, понимая, что если я приму на веру все рассказанное мне, то и я стану потенциальным пациентом этой клиники. И мне нужен помощник в лице Никифорова, который, как мне понимается, не прочь стать двойным агентом.

Двойным агентом? Для того, чтобы им стать, нужно быть одинарным агентом. А что, мысль хотя и невероятная, но не лишена здравого смысла. Если он действительно был там, в брежневские времена, то он вряд ли не был привлечен к сотрудничеству органами КГБ. Поэтому, в отношениях с Никифоровым нужно исходить и из того, что Никифоров рассказывает кэжэбэшную легенду, прикрывая того человека, который пришёл вместе с ним.

Второе и не менее важное. А где этот человек? Как он не проявил себя в нашем обществе? Выходит, что он готовился к натурализации в нашем обществе, а у нас нет никаких данных о том, что пришёл человек не от мира сего, потому что таких людей половина страны, которая ностальгирует по прошлому и сама действительность является благодатной почвой для развития патриотических настроений нашего населения. А патриотизм губителен для нашей элиты.

Интересно получается. Как только начинаешь говорить об интересах России, так сразу становишься противником правящей элиты. Она тоже вроде бы за Россию, но государственные деньги вкладывает в Запад, в западную экономику и в западные ценности, оставляя страну нашу в полунищенском состоянии. Страна беззащитна перед всем западным миром и нет ни одной страны, которую можно было бы назвать нашим союзником. Промышленность кривобока, может делать устаревшие танки и самолеты, а все высокие технологии на западе. Сами себя прокормить не можем. Захочет Запад, и задавит нас, как кутят, а большинство населения ему в этом поможет.

Единственный выход – суверенизация регионов, обеспечение полной самостоятельности во всех вопросах. Я полностью уверен, что в большинстве регионов к власти придут патриотические элиты, заинтересованные в единстве России. Эти регионы объединятся между собой, выкинув из своего состава Москву и Питер, как коллаборационистские регионы.

Объединившиеся регионы потребуют свою долю ценностей, выведенные в иностранные банки, чтобы пустить их на развитие экономики. Это позволит в кратчайшие сроки создать сильное и суверенное государство с патриотическим населением, с мнением которого будут считаться во всем мире.

Потом и Москва, и Петербург присоединятся к обновленному союзу как города союзного значения и только потому, что политический и финансовый центр будет размещен по центру союза.

К обновленному союзу примкнут и бывшие республики СССР, которые сегодня не являются значительными игроками на международной арене.

Кто-то думает, что это фантастика, но мне кажется, так же может думать и человек в конце двадцатого века, узнав, что делается на его Родине в будущем.

Стратегию страны у нас определяет не народ, а те, кто дорвался до власти и зубами вцепился в нее. У них главная задача не интересы страны, а удержание у власти. Когда человек думает об интересах родины, вопрос о власти отходит на последнее место. Не все ли равно, кто придет к власти демократическим путем в определенные конституцией страны сроки, так как он приходит для обеспечения наших национальных интересов.

Вот, чёрт, как о чем ни задумаешься, все время приходишь к выводу, что нарушение Конституции всегда губительно для государства. Не случайно началась новая эмиграция российских граждан, разуверившихся в том, что в России может наладиться путная жизнь. Предстоящие выборы будут таким же фарсом, какой начался с выборов 1996 года. Политических игроков выбили, лидеров замолчали и остались в гордом одиночестве те люди, которым как бы нет альтернативы.

Помню, когда я учился в военном училище, то был у меня один приятель. Мы с ним начинали разговор о лучшем одеколоне после бритья, а заканчивали бандеровцами. Так и тут. О чем ни начни говорить, так сразу речь переходит о судьбе России. А что о ней можно сказать? За державу обидно, а вот есть окно в другой мир, есть ключ от этого окна и где-то этот ключ находится. Главное – у кого?

Задача, поставленная мне банкиром, начала проясняться, но мне кажется, что дело все больше начало запутываться. Кто-то отчаянно врет, и кто-то водит нас за нос, ухмыляясь тому, что мы ничего не знаем и не понимаем.

Рассуждения на месте преступления

Мне не давал покоя рассказ сантехника Никифорова. Он акцентировал мое внимание на том, что дверь открывается только после возлияния хорошим спиртным и обладания страстной девой. Но вот в каком сочетании или в пропорции составных частей «баба-вино» открывается дверь? Возможно, что это просто провокация или попытка скомпрометировать меня беспорядочными половыми связями и неумеренным потреблением спиртных напитков.

Судя по всему, год назад Никифоров находился в СССР периода до 1967 года примерно с месяц, а возвратился в тот же день через четыре часа. От чего это зависит?

Вопросы, вопросы, вопросы.

За период функционирования гостиницы в ней исчезло бесследно пятнадцать человек. В основном представители группировок, взявших ее под контроль, а ныне ставших акционерами отеля. Милицейского расследования по фактам их исчезновения не проводилось, потому что никто о происшествиях не заявлял.

За этот же период убито десять человек, из них четыре постояльца без криминального прошлого. Сначала люди исчезали, а потом вдруг появлялись в коридорах.

Я взялся за изучение справок на людей, убитых в гостинице.

Два человека были найдены в один день. У одного разрыв почек вином. Второй убит обоюдоострым широким колюще-режущим оружием, но удар нанесен странно – сверху под ключицу и прямо в сердце.

Оружие размером примерно семьдесят пять сантиметров длиной и шириной пять-шесть сантиметров. Ни дать, ни взять – римский Gladius (собственно говоря, термин гладиатор произошел от названия этого меча). Либо это сделал какой-то маньяк, либо – римский легионер. Но где этот маньяк прятал трупы, так как с момента убийства до находки трупа прошло примерно двое суток?

Третий – был повешен на дыбе и подвергнут пыткам огнем. Четвертый – с расплюснутыми конечностями. Пятый был посажен на кол. Шестой – заеден клопами до смерти. Седьмой – с раздробленным черепом. Восьмой – смерть от болевого шока при нанесении множественных внутренних ранений мочеиспускательному каналу. Девятый – оскоплен. Десятый – смерть от болевого шока при непосредственном воздействии на нервы.

Какой-то ужас, а не краткая справка местной службы безопасности, причем документа особой секретности, который у меня забрали сразу после краткого ознакомления.

Где людей могли так пытать в гостинице? Почему нигде не найдено никаких следов преступления? Как будто духи забирают их на расправу и возвращают снова, отомстив за преступления или прегрешения? А что, мысль эта имеет право на существование. Но ведь и духи появляются не просто так, от нечего делать, должна быть какая-то причина или повод.

Трупы обнаружили в дни знаменательных дат. Одного в день судьбы первого-второго января. Того, которого заели насмерть клопы – в день образования органов ВЧК-КГБ двадцатого декабря. Других – в Перунов день в начале третьей декады июля и в вальпургиеву ночь в конце апреля.

Интересно. Вроде бы ничего не было, а как начинаешь смотреть со всех сторон, так сразу выскакивают чьи-то уши. Похоже, что именно в эти даты и открываются двери в тот мир. Может, еще какие-то даты есть, но с этим нужно разбираться. Не буду же я весь год жить в гостинице. У меня, слава Богу, и дом свой есть, и жена в нем, и кот на диване спит.

У главного инженера я взял строительные документы и переснял схему местности, на которой выстроен отель. Нужно будет проверить, что это за место и может ли оно оказывать влияние на возникающие здесь аномалии.

Скажу прямо, что я как-то равнодушно пролистнул бумажку, написанную от руки на листке из тетрадки в клеточку, где главный распорядитель приказывает главному прорабу начать работы, с подписью и датой. Зачем эта бумажка, когда в строительной фирме есть отдельные приказы о начале работ?

В областной научной библиотеке я взял материалы по нашему городу и установил, что участок, на котором построен отель «Lissabon» является бывшим кладбищем, на котором хоронили умерших каторжников, казненных варнаков, всяких ведьм и безвестных лиц. Последним похоронили, по его просьбе, бывшего начальника областного управления НКВД, снятого с должности после двадцатого съезда коммунистической партии и речи первого секретаря Хрущева о культе личности Сталина. И памятника над могилой чекиста не ставили.

Потом кладбище снесли, хотели там построить танцплощадку, но началась борьба со стилями и танцплощадку отменили. Хотели там базар построить, да колхозники за версту обходили это место, так и был здесь пустырь, в народе называемый просто – погост, пока землю не выкупили инвесторы и не построили там отель.

Так что, отель стоит на косточках окаянных и не удивительно, что здесь такая чертовщина происходит. И окна открываются не сами по себе, а по типу магнитного ключа только при приближении к ним избранных кем-то людей. Сочетание магнитиков сошлось, и замок открылся. Главный фигурант по этому делу – слесарь Никифоров.

Появилась у него одна странность после возвращения оттуда. Стал читать газеты и передачи на политические темы смотреть. Это у него тоже записано как ненормальность поведения.

Вы представьте себе, как слесарь-сантехник рассуждает о расстановке политических сил перед предстоящими выборами и дает сравнительную характеристику двухчленного и тридцатичленного политбюро правящей партии. Нормально это? Вы сами же скажете, что не вполне нормально. И врачи так же сказали. Хотя, что здесь ненормального?

Кстати, на наших политиков и политологов тоже бы не мешало взглянуть с медицинской точки зрения, а то что-то в последнее время я ни разу не слышал о том, чтобы кандидаты на высшие должности перед выборами представляли на всеобщее обозрение справки об их психическом состоянии.

И гость из того мира, заскочивший к нам вместе с сантехником. Где доказательства? Даже описания личности нет, его особых примет и поведения. И главное – откуда сантехник может знать, как нужно вести себя в психиатрической клинике, чтобы врачи посчитали тебя выздоровевшим? Этому по книгам научиться нельзя. Этому учат специалисты и, причем, специалисты прикладного плана.

Что значит прикладного плана? Это значит, как использовать на практике науку, которая вроде бы не приносит никакой пользы. Например, математика. Человек умеет складывать, вычитать, умножать, делить небольшие числа и все. Допустим, килограмм молочного шоколада стоит сто рублей. Сто грамм стоит десять рублей. А у человека всего сорок рублей. И он на эти деньги может купить бутылку пива и сто грамм шоколада или четыреста грамм шоколада без пива.

Это элементарная математика, но прикладная в повседневной жизни. А, допустим, человек занимается бизнесом и во время деловой встречи сделал прикидку прибыли от предлагаемого контракта. Прямо в уме. Перемножил миллионы, отнял накладные расходы, зарплаты, налоги и прикинул, выгодно ему это или нет. Вот это и есть прикладное использование математики.

Или знание физики. Её можно прекрасно использовать в бильярдной и обыгрывать на деньги тех, кто в школе считал физику бесполезной наукой. Физику можно использовать не только в бильярде, но и в борьбе. Используйте инерцию более сильного противника и его силы уменьшатся как раз на величину использованной вами инерции.

Я Никифорова из психлечебницы не вытащу, и никто не вытащит.

Один раз поставленный психиатрами диагноз остается на всю жизнь. Его могут усилить, но не отменить. Поэтому те, кто хочет по психическим заболеваниям откосить от армии, будут косить всю оставшуюся жизнь, потому что психического больного на серьезную работу не примут и дела с ним иметь не будут.

Подождем его выписки и тогда продолжим работу с ним.

Западня для агента

Мне все время не давал покоя сотрудник КГБ, проникнувший в наше время вместе с сантехником Никифоровым. Куда он мог деться? Просто так, попасть в будущее и смешаться с толпой людей не получится. Представьте себе неандертальца, который появился на многолюдной площади в Москве и делал вид, что он простой мужик, вышедший в центр попить пивка или хиппи, стремящийся уйти в наше прошлое. Да такого чувака в два счета бы раскусили и сдали снова в психушку. У нас в этих учреждениях можно найти самых гениальных людей, отъявленных негодяев, путешественников во времени, объектов контактов с космическими пришельцами, лунатиков и просто нормальных людей, которые не согласны с тем курсом, по которому вожди ведут народ как стадо баранов в неизвестное никуда.

– Простите, доктор, – спросил я главврача на следующий день, – а у вас в клинике сотрудников КГБ нет?

При данном вопросе доктор пригнулся, вжал голову в плечи и воровато огляделся по сторонам, указав пальцами себе на рот и на уши, мол, органы прослушивают каждого, а уж дурдомы – это вообще рассадник международного шпионажа.

Видя, что я сижу совершенно спокойно, начал успокаиваться и доктор. Да, запугали его органы. Чуть что, шаг влево, шаг вправо и из персонала можно превратиться в контингент. Сами понимаете, работа с чиканутыми приводит к тому, что больной либо выздоравливает, либо доктор заболевает той же болезнью. Одновременного выздоровления наукой еще не зафиксировано. Кстати, сумасшедшие доктора, как правило, имеют очень хорошие лечебные результаты.

– Так-так, – доктор побарабанил пальцами по столу, что-то напряженно обдумывая, – чекистов у нас нет, но вот есть у нас один Шекспир, который намекает на принадлежность к спецорганам бывшего Советского Союза. Этакое, знаете ли, раздвоение личности, то он сам Шекспир, то учитель Шекспира, то он учился в какой-то спецшколе и имеет важное задание от самых высших чинов того времени. Если хотите разнообразить свое времяпровождение, то пожалуйста, он уже отошел от аминазинов и готов для беседы.

Шекспиrom был достаточно молодой человек лет тридцати, спортивного телосложения, с хорошими манерами, называл себя капитаном Трилистовым Николаем Петровичем. Посмотрев на меня, он сразу сделал вывод, что я бывший офицер, а узнав, что это действительно так, сразу быстро заговорил:

– Помогите мне выбраться отсюда, я обладаю уникальными данными высшей разметки, которые нужно передать руководству Политбюро и лично генеральному секретарю Брежневу Леониду Ильичу.

– Помилуйте, батенька, – запротестовал я, – никаких генеральных секретарей и в помине нет, от СССР остались рожки да ножки в виде обновленной России, ставшей преемником этого СССР. Поэтому, снова можно сказать, что СССР существует, но в урезанном составе без союзных республик.

– Да хрен с ним, что нет генсеков, – вдруг заговорил Трилистов-Шекспир, – руководство страны все равно осталось, а я обладаю тайной, которую могу рассказать только лично высшему руководству.

– А вы это четко представляете, – спросил я, – что вас как пациента психиатрической клиники доставят к президенту и вы будете толкать ему свои теории, а он внимательно слушать и кивать головой, попутно отдавая распоряжения по реализации ваших предложений? В стране по крайней мере шестьдесят процентов сдвинутого по фазе населения, зайдите в интернет, полюбуйте и вы в этом числе хотите попасть к нему на прием? Не получится ни при каких

условиях. Давайте договоримся. Вы рассказываете мне свою историю, а я буду решать, что и в каком объеме доводить до заинтересованных лиц. Договорились?

– А какой у меня есть выбор? – спросил Трилистов. – Никакого. Тогда слушайте.

Рассказ агента, часть 1

– Родился и крестился я в России, – начал Шекспир-Трилистов. – Учился в школе, был октябренок, пионером, комсомольцем. Потом поступил в педагогический ВУЗ на факультет иностранных языков. Учил французский и английский и неплохо получалось. По окончании института меня пригласили в серое здание и предложили работать у них. Сразу послали на оперативные курсы на полгода, а потом мы все вместе следили за иностранцами и вербовали из них агентуру для себя.

– Так вот всех подчистую и вербовали? – усмехнулся я.

– Конечно не всех, – сказал Шекспир, – только тех, кто нужен был для освещения интересующего направления за границей. Технари вербовали технарей, а гуманитарии вербовали тех, кто имеет отношение к политике. Завербовать мне лично никого не удалось, но опыта оперативной работы я нахватался. Руководство направило меня в сто первую школу на годичный факультет и для продолжения дальнейшей работы в нашем центральном разведывательном управлении.

– Что, у нас в СССР было ЦРУ? – немало удивился я.

– ЦРУ не было, – отмахнулся Трилистов, – это я так для образности сказал. Было тогда Первое главное управление, ну мы его меж собой называли ЦРУ. Так вот, окончил я этот факультет и вышел в это ПГУ. Язык мне подковали основательно и тот, и этот. На любые темы без запинки говорить мог и по-французски, и по-английски. И тут меня вызывают на самый верх, к самому председателю КГБ товарищу Семичастному, – я внутренне напрягся, – и говорят, что есть для тебя одно важнейшее задание по проникновению в зарубежную страну на длительное оседание как нелегал. Но если не попадешь за границу, то будешь изучать обстановку там, где окажешься и тем же путем вернешься назад.

– Сколько времени на подготовку? – спрашиваю я.

– Обойдешься без подготовки, – говорят мне, – дадим проводника, а ты ему обеспечишь открытие двери в эту страну. Денег не жалея, но, чтобы задание выполнил. И дали мне мужичка, кажется, что я его здесь тоже видел, который прибыл из нашего будущего и врет так складно, что не захочешь, а поверишь. Поил я его самыми дорогими напитками, какие тогда были. В «Березке» покупали ему виски «White Horse» («Белая лошадь»). Тридцать процентов солодового и семьдесят процентов пшеничного виски. Пил благородный напиток стаканами и трахал самых красивых девок в палатке около того места, из которого он как бы прибыл.

И вот на пятый день случилось все то, во что поверить было очень трудно и даже я сейчас сомневаюсь, действительно ли все было так, как оно действительно было.

Рассказ агента, часть 2

Часов в семнадцать по средневропейскому времени я сидел у палатки и покуривал, с отвращением слушая сопенье и крики девушки в палатке, внимательно глядя в сторону темного леса на участке, отмеченном колышками. И вдруг в темном лесу что-то засветилось, как будто открыли дверь в темной стене и хлынул проток света.

Я сдернул сантехника с женщины и потащил его в этот световой поток.

После прохода через стену света я очутился в каком-то полутемном коридоре, богато отделанном коврами и причудливыми светильниками. Слесарь упал на ковровую дорожку, я сослепу запнулся об него и начал падать на стену, сквозь которую я провалился так, как будто не было никакой стены.

Я вывалился на грязную улицу, по которой ходили убого одетые люди, ездили удивительные повозки и люди говорили на каком-то странном франко-английском наречии, которое можно было понимать, но, если только внимательно сосредоточишься и будешь обладать богатым воображением, чтобы по наитию догадаться о значениях звучащих слов.

Кто-то оттолкнул меня, освобождая дорогу для повозки, и я упал на обочину дороги между каменными домами, испачкав весь костюм, рубашку и полуботинки.

Понюхав свою руку, испачканную в грязи, я понял, что это нечистоты и содержимое моего желудка вывернуло прямо туда, где я сидел.

На меня никто не обращал внимания, мало ли чудиков ходит по дорогам. Я испачкал свой носовой платок, вытирая костюм и ботинки, и мне еще пришлось снять галстук, чтобы как-то привести в порядок свою одежду, но я только размазал грязь и стал похожим на тех людей, которые меня окружали, только качество моего материала было во сто раз лучше, чем даже у зажиточных граждан.

Историю я знал неплохо и мог бы предсказывать будущее за деньги, но была большая опасность быть объявленным колдуном и гореть на костре под восторженные крики обывателей, для которых не выступает Мадонна или не проповедует какой-нибудь радикальный депутат из демократов.

Одним словом, я попал в Лондон одна тысяча пятьсот восемьдесят шестого года. В Англии успешно правила королева Елизавета и шла неспешная борьба с католицизмом, начатая ее отцом Генрихом восьмым по счету.

Что-то нужно было делать, чтобы устроиться и чем-то питаться, потому что мне нужно было ждать в этом районе открытия светового окна для возвращения домой.

Я раньше был неверующим, но я сейчас я верю и верю истово, потому рука божья направила меня к моему спасению.

Я постучал в первую попавшую дверь и мне открыл молодой человек, назвавшийся как William Shakespeare. Да-да, молодой Вильям Шекспир, который хотел стать писателем и актером, работая у лондонских театральных деятелей.

Я попросил дать мне ночлег, обещая отработать как учитель детей такого почтенного человека.

– Мои дети слишком малы для обучения, – рассмеялся молодой человек, – но кров я вам предоставлю, пока вы не найдете подходящего для себя занятия.

Разве не Бог послал на землю Вильяма Шекспира, который помог мне устроиться предсказателем судеб в высшем обществе Англии и стать советником у начальника тайной полиции королевы лорда Олсингема.

Да, есть и моя заслуга в укреплении английской разведки и контрразведки, и кроме того, я ненавязчиво предполагал, что произойдет в ближайшее время и, как правило, не ошибался, что позволило мне стать авторитетным работником тайного сыска.

Молодой Шекспир из СССР

Каждый день я выходил на прогулку в место своего появления в Лондоне и периодически обедал у Шекспира, никогда не приходя без подарков его детям и жене Энн Хатауэй, которая не была лучезарной красавицей, но была вполне приятна на вид и слыла хорошей хозяйкой.

Однажды я пересказал Шекспиру содержание его же пьесы «Гамлет», которую он еще не написал. Просто дал сам факт того, что короля убил брат и завладел его короной и женой, но принц не стал верить своему дяде. А кроме того к принцу явился дух его отца и рассказал о страшном преступлении.

В другой раз я рассказал о ревнивом мавре, находившемся на венецианской службе. Обуреваемый ревностью, мавр задушил свою молодую жену и покончил самоубийством сам, а дело не стоило выеденного яйца, потому что сын дьявола подставил его и был рад, когда чистая любовь закончилась смертью двух любящих человек.

– Откуда вы берете эти истории? – постоянно восклицал Шекспир.

Разве я мог сказать ему, что это есть его всемирно известные истории? Если бы не я, то кто-то другой рассказал ему сюжеты Ромео и Джульетты, короля Лира, а уж королева Марго была современницей будущего писателя и ему было легко писать о происходивших при нем событиях.

Работа у Олсингема не была сильно обременительной, да и работали тогда не так, как работали чекисты в наше время с ненормированным рабочим днем, то есть работали без нормы. Начальник сидит на месте, и все тоже сидят, делают вид, что работа кипит. Зато, когда начальник уходит, все с чувством исполненного долга идут домой, чтобы поздно поужинав, вскочить утром рано и стремглав нестись на работу, чтобы к приходу начальника быть на месте.

Работа с ненормированным рабочим днем так и называлась работниками беззаконием, возведенным в закон.

В те времена работали с достоинством и не торопились никуда. Расстояния были дальние, прохождение бумаг было длительным и то, что у нас именовалось бы махровым застоем, там именовалось активной жизнью.

Однажды я читал рассказ об одном человеке, который двигался быстрее всех. Он шел и видел, как мимо него как в замедленном кино летят неспешные пули, мотоциклисты едут со скоростью черепахи... так и я том мире был в положении такого же человека, обгоняющего время и расстояния.

Наконец, я дождался того момента, когда окно открылось и шмыгнул в него, не двигаясь какое-то время. Осторожно потрогав стены, я убедился в их прочности и стал потихоньку уходить из коридора, в котором у уже был. Сбросив одежду и оставшись в белой рубашке и суконных штанах и кожаных ботинках, я вышел на улицу и быстро нашел здание управление бывшего КГБ, которое сейчас называется ФСБ.

Моя попытка войти в здание закончилась задержанием меня милицией и доставкой сюда, где мне поставили диагноз белая горячка и маниакальный психоз. Вот и все. У меня надежда только на вас. Я уже никому и ничего не говорю, возможно, что меня скоро выпишут, а что я буду делать здесь, когда моя семья уже лет тридцать не видела меня и не знает ничего обо мне. А мои коллеги даже не удосужились проверить правдивость моих слов.

Я ничего не сказал по поводу рассказа несчастного узника, но похоже, что он, как и слесарь Никифоров, не врет. Два человека не могут выдумать одно и то же. И не могут два шизофреника скооперироваться и выработать общую линию поведения.

По своим каналам я сделал запрос в отношении капитана Трилистова Николая Петровича. Сообщили, что капитан пропал без вести при выполнении особо важного задания. Семье назначена пенсия. Дети выросли, а жена давно замужем за бывшим коллегой капитана. Вот

я и думаю, принимать ли меры к освобождению капитана из психического узилища или оставить все как есть, чтобы не рушить судьбы людей? Пусть живет на полном государственном обеспечении. Возможно, что не один думаю я так. Новый муж жены Трилистова уже генерал и занимает высокую должность. Нужно ли ему, чтобы из небытия появился его бывший друг и все перечеркнул одним взмахом руки?

Пытки людей

Сроков исполнения заказа мне никто не ставил. Попросили разобраться. Вот я и разбираюсь. Прошла всего неделя и я только в самом начале пути в никуда, как тот муравей, который бежал по палочке, а палочку взяла обезьяна и стала поворачивать ее, чтобы муравей все время видел горизонт впереди и бежал без остановки.

Кто же эта обезьяна, что поворачивает палочку тайны? Или это не обезьяна, а организованная преступная группа, расправляющаяся с особой жестокостью со своими конкурентами?

Я не сильно большой любитель чтения книг. Мне больше нравится писать и делать какие-то умозаключения, но, к сожалению, и мои знания не безграничны, приходится обращаться к первоисточникам.

Сначала я обратился к клопам. Помню, в далеком детстве у нас в старой кушетке были клопы. Отец часто переворачивал ее и давил этих клопов то ногтем указательного пальца, то лезвием сапожного ножа, а потом смазывал жидкостью резкого уксусного запаха.

А вот специалисты-дознаватели из народного комиссариата внутренних дел, НКВД, применяли клопаной бокс. В дощатом шкафу разводили и держали тысячи клопов. Полураздетого подследственного заталкивали в этот бокс и на него налетали голодные клопы. Сперва человек борется с ними, задыхается от вони, а потом ослабевает и перестает сопротивляться.

Индейцы в Америке запускали в печень муравьев.

Кто же был гуманнее – индейцы или чекисты?

К гордости нашей, НКВД может считаться изобретателем или доводчиком до совершенства и других способов воздействия на заключенных.

Например, подследственного сажают подальше от себя, заставляют громко отвечать на вопросы и повторять только что сказанное. Выматывает человека полностью.

Или два следователя делают из картона рупоры и кричат в оба уха арестованному: «Сознавайся, сука, что хотел убить Сталина!». Иногда человек глохнет от разрыва барабанных перепонки, а иногда и сознается.

А еще постоянный резкий свет в камере и днем и ночью, а во время допроса ему прямо в глаза направляется яркий свет. Ослепнет? Да хрен с ним.

Или заталкивают человека в узкий шкаф и держат так сутки или более. Человек может озлобиться и надерзить следователю, а ему за это срок.

Или сажают человека в коридоре на табуретку и не дают ему встать с нее несколько суток.

Или поставят стоя и не дают ни сесть, ни лечь. И во время стояния не дают ни капли воды.

Или поставят на колени, и человек сутками стоит на коленях.

Или бессонница. Человеку по несколько суток не дают спать. Следователи меняются, а человек нет. Некоторые сходят с ума.

Или битье, не оставляющее следов. Бьют резиной, бьют колотушками, мешками с песком, мокрыми полотенцами. Пинают по голени, бьют по мужским придаткам.

Или делают «ласточку». Длинное полотенце закладывают через рот подследственного, как бы взнуздывают его, а потом через спину привязывают концами к пяткам. И человек колесом на животе с изогнутой спиной без воды и еды лежит несколько суток.

И это так, всего лишь несколько способов из необъятного арсенала органов НКВД, описанного теми, к кому они применялись.

Это нужно преподавать школьникам на уроках выживания в нашей сложной жизни, а каждый человек в России должен быть готов к тому, что его будут также пытать, если он окажется несогласным с тем, что ему будут говорить власти.

Пока хоть в одном кабинете будет висеть на стене портрет главного чекиста Дзержинского, мы не гарантированы от повторения массовых репрессий против собственного народа.

И руководить ими будет единственная правящая партия. А стрелять будут ее члены в чекистских мундирах иссиня-черного цвета и в черных кожаных плащах, заказ на которые чекистское ведомство разместило на сайте госзакупок.

Подвешивание на дыбе и пытки огнем. Тут Россия не сильно отстала от Запада, хотя Запад в этом отношении более изощрен и технически силен. Непонятно, кем был убит этот человек и где он побывал.

Раздавленный череп, расплюснутые конечности и посадка на острую пирамиду – это все из арсенала инквизиции, потому что требуются специальные приспособления типа «испанского сапога» для конечностей и головы, а также «кресла иудеев», которое до сих пор применяется в Латинской Америке с добавлением контактов электрического тока.

Оскопление. Как ни странно, но это самый распространенный вид расправы с врагами. Ассирия, Вавилон, Египет, Греция, Рим, скифы, арабский Восток, Ирландия, Африка, Монголия, Китай, Германия по закону от 1938 года, Югославия. Даже во Франции во время Варфоломеевской ночи придворные дамы с любопытством рассматривали размеры детородных органов поверженных гугенотов и отрезали их.

Надрезы и воздействие на нервные окончания. Этим баловались американские индейцы. Они надрезали пленникам руки и ноги, наматывали на палочки нервные окончания и крутили их, радуясь мучениям врагов. Вероятно, отсюда и пошло выражение «мотать нервы».

Земляки Чингачгука Большого Змея, гуроны и ирокезы, делавары и другие индейцы еще заталкивали в мочеиспускательный канал палочку с маленькими шипами и крутили ее, прыгая от радости при мучениях пленников.

Удар сверху под ключицу прямо в сердце широким и длинным обоюдоострым оружием это уже чисто римское действо. Так казнили децимируемых легионеров и преступников, не приговоренных к другим видам смерти.

В Риме же любили наблюдать за мучениями человека, который погибал от разрыва почек. Его поили молодым вином, а затем перевязывали мочеиспускательный канал.

Если говорить о древнем Риме и существовавшей там системе пыток в отношении инакомыслящих и правонарушителей, то этому государству и ее правителям нужно устраивать новый Нюрнбергский процесс вместо восхищенных аханий и оханий по поводу их достижений и вклада Рима в мировую цивилизацию.

Поиск окна

Классификация жертв отеля «Lissabon» не внесла особой ясности, а наоборот дала повод думать о том, что в наше время могут врываться представители других эпох и стран.

Представьте себе, что в открывшееся окно хлынет конница Чингисхана, начнет рубить всех подвернувшихся под руку и грабить магазины и бутики.

Я обошел все коридоры отеля, осмотрел стены, особенно в тех местах, где были обнаружены трупы и не нашел ничего такого, что могло бы быть неестественным или являлось следом совершенного преступления.

По-моему, этап единоличного сыска закончился. Нужно идти к народу.

Почти неделю я потратил на беседы с горничными и без результата. Зато беседа с одной из уборщиц вселила в меня уверенность в том, что дело будет раскрыто.

Пожилая женщина лет за пятьдесят, оглянувшись по сторонам, шепотом сказала, что она раза три чувствовала, что сходит с ума, когда ее рука с тряпкой вдруг проваливалась в стену, как будто та сделана из воздуха. Повторное прикосновение к стене все ставило на место. О своих наблюдениях она никому не говорила, потому что когда одна из уборщиц заикнулась о том же самом, то ее подняли на смех, отправили на медицинское освидетельствование и вообще уволили по медицинским показаниям. А ей до пенсии осталось совсем немного, и она надеется, что я никому не расскажу об этом. Мне же она рассказала об этом только потому, что не могла держать это в себе, и ей нужно было перед кем-то выговориться.

Соотнести по датам эти невероятные случаи невозможно и нужно искать окна самостоятельно. Рассказ слесаря Никифорова о том, что на стене висел кусок брезента, вызывает сомнения. Брезент могли видеть другие люди, и они вряд ли бы забыли об этом.

Еще один момент. Трупы найдены на трех этажах. На 4-м, 5-м и 6-м. Уборщица работала на этих же этажах. И Никифоров был в апартаментах на 6-м этаже. Одно совпадение – случайность, два – это уже система. Уборку проводят в вечернее время, чтобы не мешать постояльцам, и Никифоров был вызван в номер в такое же время. Следовательно, окна открывают примерно в полночь. Как в легендах о нечистой силе.

На эту тему даже Лирика посетила меня, и я в один мах написал:

*На старой пластинке царапины шелк
Как будто секунды в огромных часах,
Вот время двенадцать и бархат, и шелк,
И блеск бриллиантов при ярких свечах.*

*Их говор французский понятен вдруг мне,
И сам я француз, капитан де Тревиль,
А в призрачном парке при ясной луне
Две пары порхают, танцую кадрили.*

*Я парень не робкий, но в День всех святых
Хотел бы сидеть за накрытым столом,
И женщины рядом, и в вазах цветы,
И с кем, не поймешь, мы шампанское пьем.*

*Мне крестик нательный поможет найти
Подругу на счастье в телесной плоти,
Под утро разносит петух всем пути,*

А кто не успел, так тому и платить.

Ересь какая-то и на ночь глядя.

А, может, нечистая сила, которая жила на кладбище, и вынудила прораба требовать расписку о том, что ему действительно приказывают начинать работы в этом месте.

Буду проверять. Начну с четвертого этажа, потом на пятый, потом на шестой. Буду ходить и хлопать рукой по стенам. Представил я это и улыбнулся, вспомнив старый анекдот.

Начальник поезда видит, что человек в чукотской одежде идет вдоль состава и стучает головой по вагонам.

– Ты что делаешь? – спрашивает его начальник.

– Однако, мягкий вагон ищу, – отвечает тот.

Может, и мне головой по стенке стучать, чтобы умным быть?

Головой я стучать не стал, но сделал себе кавалерийский стек с ременной петлей на конце. Я проходил по коридору и прикасался им к стенам. Сколько я мог так ходить в поисках окна? Год, два, три? Не знаю, но раз взялся за проверку, то нужно проверять. Что будет, если исследователи при первых же неудачных попытках бросят всю исследовательскую работу? Случится катастрофа. Мы так и будем жить в каменном веке, потому что те, кто бросал камни в костер и прекратил это делать, заявив о бесперспективности этого дела. А в другой стране продолжали бросать камни в костер. И вдруг из одного камня потекла блестящая жидкость, которая, застыв, превратилась в очень твердое вещество, из которого стали делать наконечники для стрел, навершия для копий и мечи для войны.

А из другого камня, брошенного в костер, полилась блестящая желтая жидкость, которая, застыв, превратилась в золото.

Так и я ходил ночной порой по коридорам, пугая уборщиц и постукивая по стенкам своим стеклом. И нельзя пропустить хотя бы одно дежурство, потому что в этот пропущенный день обязательно случится то, ради чего затевалась вся катавасия.

Как я внутренне и предполагал, все случилось двадцатого июля, в Перунов день.

В тот день, вернее – в ночь, я шел по полутемному коридору четвертого этажа и касался стен своим стеклом. Так ходят слепые, постукивая впереди себя палкой. Если палка опускается ниже привычного уровня, то это значит, что впереди яма и нужно искать обход. Точно так же и у меня в простенке между дверями двух апартаментов, занимающих всю правую часть четвертого этажа, стек как бы провалился в стену, не встречая никакого сопротивления.

Я был в некотором замешательстве, хотя ожидал именно этого. Я доказывал себе возможность этого, но внутренне не верил в эту возможность.

Многие люди у нас ходят в церковь, ставят свечи в подсвечники и усердно крестят лбы, внутренне не веря в существование Бога. Так, отдают дань моде. И для них явление Христа воочию было бы таким же потрясением, как и для меня, почувствовавшим пустоту в монолитной стене.

Я подошел и, как неверующий Фома, сунул туда руку. Никакого сопротивления. Пустота. Я помахал рукой и не почувствовал никакого препятствия. Закрыв глаза, я сделал шаг в неизвестность.

Что-то теплое и наполненное запахами конюшни пахнуло на меня. Открыв глаза, я был ослеплен ярким солнцем и обдут легким ветерком, принесшим сильный запах от свежей кучи конских яблок, лежащих неподалеку. Я сделал полный шаг и очутился около глинобитной стены строения, из которого я вышел.

Приглядевшись, я увидел, что ко мне идут человек пять в странных одеждах балахонного типа и намерения у этих людей явно немирные.

Я инстинктивно сделал шаг назад, чтобы вернуться туда, откуда я пришел, но моя спина упиралась в стену. Повернувшись к стене лицом, я стал быстро ощупывать ее, отыскивая окно. Но ничего не находил. Потом что-то ударило меня по голове, и наступила темнота.

– Слава Богу, – подумал я, – я уже дома.

Рим

Я очнулся у той же стены. Голова болела. Плечи, руки и ноги горели как от ожога на пляже. Я лежал на каменистой земле в одних трусах и порванной майке.

Если это считать несчастьем, то с чем это сравнивать? С тем, что я остался жив и не покалечен? Или с тем, что у меня есть трусы и майка? Во всяком случае, мне еще крупно повезло.

С трудом встав с земли, я попытался осмотреться и никак не мог заставить себя сделать это. Я просто не верил в происходящее. Это был сон. Я сейчас проснусь, пойду в свой номер, лягу в кровать, открою ноутбук и стану записывать свои впечатления от дня прожитого. Потом, лет через несколько, издам эти записи как документ нашей эпохи. Все будут ахать и охать по поводу моей гениальности и предвидения того, что мои записи будут кем-то востребованы, а не перенесены в виде миллиардов букв на рулон туалетной бумаги, чтобы потомки по частям читали то, что было задолго до них.

Потрогав руки и плечи, я понял, что получил очень приличный солнечный ожог. Ожоговая интоксикация обычно проявляется в ознобе, слабости, головокружении. Дольше на солнце находиться нельзя особенно нам, представителям белой расы, склонной к ожогам даже от осеннего солнца.

Я поплелся к поселению примерно в трехстах метрах от меня. За моей спиной была высокая стена, высотой более двух метров, за которой ничего не было видно и ничего не слышно. В стене не было ни дверей, ни окон и я так думал, что это стена, отделяющая все поселение от внешнего мира.

– Куда я попал? – крутился в моей голове извечный вопрос человека, проснувшегося неизвестно где.

Я вошел в первый попавшийся мне проулок и поразился тому, что увидел. Это был огромный торговый двор, вымощенный камнем. По широкой дороге ходили разномастно одетые люди в накидках, римских тогах, коротких рубашках в виде мешков с дырками для головы и для рук. По сторонам дороги виднелись маленькие лавки, около которых толпился и рядился народ.

– Ни дать, ни взять – Древний Рим, – промелькнуло у меня в голове.

Вдруг кто-то закричал на меня и палкой спихнул с дороги на обочину.

Мимо меня прошеествовал вооруженный человек в блестящем шлеме с копьем в руках и коротким мечом на поясе. За ним шесть человек несли носилки с упитанным человеком в римской тоге с пурпурной полосой, как у сенатора.

Я шел вдоль торговых рядов и захлебывался слюной. Прошло, вероятно, немало времени, и я успел проголодаться. Везде в лавках виднелись овощи и разные фрукты. Продавалось и сырое мясо. Что-то жидкое было в больших кувшинах. Еще продавался хлеб в виде больших лепешек и маленьких хлебцев типа ватрушек.

Гуляющий народ частью ходил чопорно, свысока приглядываясь к товарам и отдавая команды подбегавшим к ним от лавок людям. Другие люди, попросту говоря, кусочничали, как говорила моя покойная матушка, то есть ели на ходу овощи и фрукты с хлебом или быстро ели что-то завернутое в сочень. Совсем как у нас, когда на улице давятся хот-догом, обливаясь и обмазываясь кетчупом, майонезом и осыпая себя и других соломкой из морковки.

Я вслушивался в их речь и ничего не мог понять. Это не кино, чтобы «Их говор французский понятен вдруг мне и сам я француз, капитан де Тревиль...». Я внимательно слушал и вытаскивал знакомые звучания: номине, сатем, латем, кайзер, спирт, дойм, патер. Если я не ошибаюсь, то это латынь. Ин номине латем эт спиритус сатем. Еще из института запомнилось – во имя Господа и спиртного духа, хотя спиритус переводился просто как дух.

Римляне были латинянами и говорили на латыни. Хотя, латиняне это одно из итальянских племен, но как-то так получилось, что их язык стал языком межнационального общения, можно сказать – даже объединения многих народов в один народ.

Рим – это смешение наций, народностей, рас, каст. Все они объединены одним общим званием гражданина Рима и каждый из них – римлянин.

И законы у них суровы. Дура лекс – сет лекс. Закон суров (дурной), но он закон! Укради сейчас булку хлеба и тут же тебе оттяпают руку, а она мне нужна и, кроме того, у них в ходу тот же принцип, что и сейчас – незнание закона не освобождает от ответственности.

Можно подработать, но как можно подработать, не зная языка и не будучи привычным к тяжелой физической работе? Цивилизация нас испортила и если сравнивать на выживаемость нас – цивилизованных людей и римлян – как исторических людей далекой эпохи, то сравнение будет не в пользу современных людей. Хотя мы и живем по одним законам – хомо хомини люпус эст (человек человеку волк) – римлянин не задумается о применении грубой физической силы для того, чтобы получить желаемое ему. И он получал это.

Я сравнил себя с римлянами и не почувствовал ущербности по сравнению с ними. Я выше их всех почти на голову. Как миллиардер Прохоров по сравнению с людьми среднего роста. Силой меня Бог тоже не обидел, а во время службы в армии показывали, как биться в штыковом бою и как расквасить сопатку противнику. Так что, если бы мне сегодня не врезали сзади по голове, то неизвестно, кто кого бы повозил по земле.

Сейчас мне нужно было утолить жажду и успокоить головную боль. Я нашел водоклонку, выливающую воду прямо из стены дома на улицу в сточную канаву и умылся в ней, но почему-то мне не понравился запах этой воды, и я не стал пить ее. Проходившие мимо меня люди плевались и называли меня барбари. Барбари это знакомое слово. Барбара суть есть Варвара, а барбар аналогично есть варвар.

Пока я не осмотрелся вокруг, придется заниматься попрошайничеством, чтобы прокормить себя. Я встал у дороги, протянул руку и стал говорить по-немецки:

– Майне херрен, гебен зи мир бите брот эссен. Ихь эссе нихьт цвай таге. (Господа, дайте мне покушать хлеба, я не ел два дня).

Люди равнодушно проходили мимо, совершенно не обращая внимания или показывая на меня пальцем и объясняя своим чадам на моем примере, что будете неумеренно пить и жрать, то будете вот так же стоять у дороги с протянутой рукой.

Какой-то толстый мужик в белой тоге остановился около рядом и стал произносить речь, указывая пальцем на меня. Похоже, что он признал во мне мигранта и обличал во всех грехах и в самом главном из них – понаехали тут. Собравшиеся люди то молчали, то угрожающе шумели, надвигаясь на меня. Я стоял и думал, что мне лучше сделать – крикнуть – Бей его! – и удариться в бег или все-таки сначала врезать этому в белой тоге.

Наконец, толстый умолк и ушел. Так же равнодушно и разошлась толпа, переключив свое внимание на другой объект. Проходивший мимо меня маленький пацанчик в тоге и держащийся за руку красивой женщины, бросил в меня недоеденную булку, наверное, сил больше не было есть.

Только я наклонился, чтобы поднять брошенную мне милостыню, как кусок перехватил какой-то чумазый и кучерявый пацаненок, который помчался по маленькому переулку. Боже, как я разозлился. Я нагнал пацанчика очень быстро. Он делал пять шагов, а я два. Я схватил его за руку, вырвал из нее хлеб и, не отпуская его руки, разделил хлеб пополам. Пацану я отдал половину, а вторую стал кушать сам. Мальчик сверкал черными глазами и уплетал хлеб, не пытаясь вырваться от меня. Затем я отпустил его руку и присел у стены дома, где мы остановились.

Папан вдруг отрицательно замахал руками, схватил меня за руку и потянул в сторону. И верно, через несколько минут из-за стены кто-то выплеснул помой прямо на дорогу. Вот здорово бы меня окатили помоями в том месте, где я только что сидел.

Толик

– Ви хайст ду? (Как тебя зовут?), – спросил я мальчика по-немецки и, видя, что он не понимает, переиначил вопрос. – Ви ист дайн наме?

– Наме, номине? – переспросил, оживившись, паренек и, ткнув пальцем себе в грудь, гордо сказал, – Птолемей.

– Птолемей, Птолемей, – повторил я два раза и сказал, ткнув ему пальцем в грудь, – ты – Толик, будешь Толиком, а я – Андрей, – и я ткнул пальцем себе в грудь.

– Но, но Андрей, – заговорил Толик, – Андрей эс кристо, – он провел указательным пальцем по горлу и сложил два пальца крест-накрест. – Брут, Брут, – и он ткнул пальцем в мою грудь.

Брут так Брут, хотя я только потом узнал, что обозначает эта фамилия. А Андрей – это христианское имя и, как я понял, христиан здесь сильно не жалуют.

Жестами Толик показал, чтобы я встал на колени и быстро взобрался мне на шею. Мои смутные подозрения превратились в уверенность, когда голова парня стала торчать над стенами домов. Мы шли воровать. Нашей добычей стал мешочек сушеных фиников, краюха хлеба и чистая рубаха для какого-то толстяка, потому что мне она была впору, но коротка.

Ночевали мы на старой соломе под трибунами Колизея, куда на ночь собирались многие бездомные люди в вечном городе.

Толик быстро уснул, уткнувшись головой в мой живот, а я лежал и размышлял над бренностью нашей жизни. Никто не знает, что ждет нас завтра, мы не можем предположить, что будет через час или два, а пытаемся думать о вечности и о том, что будет, когда нас вообще не будет. Неправильно все это. Нужно думать о том, что ты будешь делать сейчас, что будешь есть на ужин, где будешь спать, что у тебя будет на обед, на завтрак и вообще, как ты будешь поддерживать свою жизнь.

Это все, пожалуй, самое главное в жизни. Представьте себе, мог бы состояться Пушкин, если бы ему пришлось бегать с детишками по детским садам, яслям, больницам, сажать и копать самому картошку или бегать за ней в магазин? Если посадить его в те условия, в которых мы живем, то вряд ли из Пушкина получился бы Пушкин. Получился бы слесарь или плотник Пушкин, может, инженер Пушкин, даже поэт Пушкин, но у него бы не было того размаха, которое получали дети аристократии.

Быстрая южная ночь сменилась неторопливым рассветом и у меня стали закрываться глаза. Похоже, что разница во времени действует на человека и при перемещении во времени.

Вдруг я почувствовал, что по мне ползет чужая рука, ощупывая одежду. Воры не спят. Не найди ничего у меня, чужая рука полезла к Толику и у него в складках одежды что-то металлически звякнуло.

– Ого, у нас что-то есть, – подумал я и схватил руку вора, заломив ее на излом в запястье. Раздался дикий крик, разбудивший колизейскую ночлежку.

Какой-то мужик с ножом в руках прыгал вокруг меня, что-то кричал и показывал на меня пальцем. То, что было в его правой руке, трудно было назвать ножом. Кусок металла клиновидной формы с ручкой, обмотанной тряпками. Обыкновенная заточка из того, что было под рукой.

Римские бомжи поднялись и стали вокруг нас в кольцо. Я совершенно не понимал, что они говорят, но мог догадаться, что вор обвиняет меня в том, что я чуть не сломал ему руку и он за это должен меня порезать.

Я был для всех долговязым чужаком, выше каждого из них не менее чем на голову. Кроме того, я стоял и молчал, зато мой приятель Толик сновал между бомжами и что-то говорил им, а они ему что-то давали, и он что-то прятал в одежду.

Затем Толик подскочил ко мне и жестами показал, чтобы я открутил голову человеку с ножом. Похоже, что мой приятель на мне хочет сделать бизнес, и он уже сделал и принял ставки на победу одного из нас. Вот западники, они из собственных похорон будут делать шоу, чтобы получить прибыль.

Делать нечего. Убежать мне не дадут. Нужно включать мышечную память и вспоминать то, чему учили на уроках рукопашного боя и бокса.

Я рукой поманил к себе своего соперника, но он как-то не выказывал желания идти ко мне на схватку и криками пытался напугать меня или разжалобить зрителей. Тогда я пошел на него. Загнанный в угол вор попытался ткнуть меня ножом в живот, но натолкнулся на мои скрещенные руки, причем моя левая рука взялась за его запястье вооруженной руки, а правая взяла его руку в районе локтя и вывернула его, заведя руку с ножом за спину. Извлечение ножа из руки за спиной было совершенно нетрудно. Отобранный нож я постарался откинуть как можно далеко и, похоже, в кого-то попал. Обезоруженного противника я просто оттолкнул от себя, считая, что с него достаточно.

Стоящая вокруг толпа загудела. Возможно, что нарушитель спокойствия досаждал всем, и возможность наказать его чужими руками была всем приятна и желательна.

Оскорбленный в лучших воровских чувствах соперник дико закричал и бросился на меня с намерением схватить за туловище и повалить, но я остановил его левой рукой и сделал прямой хук в челюсть.

В наступившей тишине было слышно, как звякнули зубы противника, и он упал в нокаут. Подбежавший Толик что-то восторженно мне говорил, показывая горсть маленьких серебряных монет, говоря слово сестерций и таща куда-то за руку.

Я подошел к лежащему противнику, приподнял его голову, потер уши и виски, а парень по моей просьбе принес в пригоршне воды из стоящей поодаль бочки.

Поверженный противник открыл глаза и посмотрел вокруг. Увидев меня, он попытался вырваться, но я приложил свой палец к губам, показывая ему, чтобы он не дергался и жестами показал Толику, чтобы он дал ему пару сестерциев. Нехотя, но парень дал ему два сестерция, и побитый соперник ушел.

Толик купил хлеба, у нас были сворованные финики, и мы неплохо позавтракали. Сейчас самое главное – вписаться в жизнь этого города. Все остальное – мелочи. Я не тот русский, который приехал в Америку и удивляется, что американцы не говорят по-русски, чтобы понять его.

Русские не понимают, что американцам глубоко наплевать, на каком языке ты говоришь. Если ты не говоришь на языке большинства, то можешь валить туда, куда пожелаешь. Так и я прекрасно понимал, что Рим даже не заметит присутствие и гибель одного чужака, если этот чужак так и останется чужаком.

Не откладывая дело в долгий ящик, я стал изучать латынь самым гениальным способом, которым человек после своего рождения учит родной язык. Я повторял за Толиком слова, которыми он называл те или иные предметы. Я их повторял десятки раз в различных склонениях и падежах и повсюду спрашивал:

– А это что?

Мне отвечали. Я старался понять предмет, чувственно запомнить его вид, вес, предназначение.

Толик был терпеливым учителем, понимая, что судьба связала нас не случайно и что наша встреча – это кооперация двух личностей, способных перевернуть мир.

Я не боялся и не стеснялся учиться. Учиться никогда не поздно. Нет такого возраста и нет таких людей, которые могли бы сказать:

– Все, хватит, я знаю все и мне не нужно ничему учиться.

Даже дряхлому человеку, побитому многими болезнями, нужно учиться жить в условиях этой болезни и достигать при этом возможного комфорта, передвигаясь на костылях или в кресле и принимая то положение, в котором боли не так сильны.

У меня всегда вызывает уважение, когда люди в возрасте за шестьдесят и за семьдесят учатся у своих внуков владению компьютерной техникой и как они бодро ориентируются в бескрайних просторах интернета, не оставаясь безучастными ни к одному страждущему. Этим, конечно, пользуются миллионы мошенников, но их быстро вычисляют и отфильтровывают, составляя сообщество единомышленников и людей одного века.

Брут

На выбранной нами для жительства улочке меня уже знали многие, помогая мне в изучении латинского языка. Я говорил, как маленький ребенок, радуясь каждой своей языковой победе, а соседи окликали меня и говорили:

– Эй, Брут, эта вещь называется так-то.

Я повторял за ними это слово, а ребяташки бегали за мной толпой, радуясь от возможности побыть учителями взрослого человека. Общение с детьми, постижение языка вместе с ними сделало очень быстрым процесс моей адаптации. Уже через месяц я довольно сносно говорил и мог многое объяснить из того, что мне было нужно.

Однажды мне указали на горох и сказали, что это «цицер» (cicer). Я попробовал и не нашел в нем ничего примечательного. Горох как горох. Одно примечательно – его название «цицер», от которого произошла фамилия древнего оратора – Цицерон. По-нашему – Горохов. Вот скажите, смог бы человек с фамилией Горохов стать знаменитым? Сомневаюсь. Допустим, у Пушкина или Лермонтова была фамилия Горохов. Стали бы они знаменитыми? Однозначно говорю – нет! Или возьмем для примера знаменитых адвокатов дореволюционного времени Кони и Плевако. Представьте их со звучной овощной фамилией Горохов. Разве занесли бы их в скрижали юридической истории? Не занесли.

Зарабатывали мы на драках. Толик был мой импресарио и договаривался о драках с первыми забияками улиц. Такие люди есть везде. Они хотят держать верх, или как говорят – мазу, на своей улице. О времени драки уведомляются жители улицы и начинает работать тотализатор, в котором мой приятель был уже достаточно известным и авторитетным букмекером. Кроме этого, он добывал сведения о тех способах драки, которые обычно применяет мой противник. Так что, на поединок я выходил подготовленным.

К нашей компании прибился и тот человек, который пытался нас ограбить и который получил от меня на колизейских задворках. Он держался несколько в стороне, но Толик говорил, что он останавливает тех, кто пытается нам мстить и как бы защищает со стороны. Любой противник заслуживает уважения, кем бы он ни был, если он не маньяк крови и не насильник.

Спартакие условия жизни и питания совершенно преобразили меня. За этот месяц у меня куда-то исчезли лишние миллиметры жировой прокладки, мышцы стали рельефнее, и сам я стал более подвижным, вспомнив все известные мне приемы самбо, карате и бокса.

На мои драки приходило очень много зрителей. Я научился делать из этого спектакль, принимая удары, которые я мог бы спокойно отбить и закончить драку в течение трех-пяти минут, но от этого пропадает зрелищность и интрига. Умение безболезненно падать и уклоняться от ударов сохраняли мои силы для завершающего удара, который я проводил с блеском, не доводя противника до полной потери здоровья.

Сейчас я расскажу коротко о том, как мы жили в Риме.

Тот, кто «знает» жизнь Рима по американским фильмам, тот с уверенностью может сказать, что он знает и жизнь простых русских людей по условиям жизни русских миллионеров и миллиардеров.

Первое, что нужно знать всем, в Риме была система общественных отхожих мест. Не знаю, как это делалось в русских городах, не нашел свидетельств очевидцев, кроме самоличного обозрения общественных туалетов на старых железнодорожных станциях, но в Риме общественные туалеты были на каждой улице, иначе все стены вечного города были бы в желтых подтеках, а на улицах валялись кучи человеческих испражнений.

Они и так валялись, потому что жители инсул имели обыкновение выливать содержимое своих ночных горшков прямо на улицу, мало заботясь о том, идет там кто-то или нет.

Инсула это «хрущевка», только на римский манер. В инсулах жили малоимущие жители города, которые трудились в центре и не имели времени выезжать за пределы города.

Все строилось так, как строится сейчас у нас. Дашь на лапу муниципалитету, тебе дают участок земли, и ты там быстренько ляпаешь халупу этажей на пять по на десять каморок в ряд по фронту и по тылу. Итого получился многоэтажный атриум-инсула из ста каморок. Если получать по денарию в неделю, то это будет сто денариев или четыреста сестерциев. Это и немного, и немало. А, кроме того, имущество постояльца становится залоговым и как только он не уплатил вовремя, так все его имущество переходит в собственность хозяина как часть погашения квартплаты.

Иными словами, постоялец – никто, а домовладелец – все. А если он живет на первом этаже, то у него и водопровод, а также и печь, которая отапливает помещение на первом этаже.

На втором этаже живут жильцы состоятельные и квартплата у них больше. И к водопроводу ближе, и тепло достается, и до туалета бежать не так далеко.

Вот видите, мы снова вернулись к туалету. Туалета в доме нет. Есть только индивидуальный у хозяина, у него и отходы из туалета смываются водопроводной водой, которая течет круглосуточно.

Как кто выпил молодого вина или просто поужинал с водой и хлебом, то вечером и ночью пару раз сбегает в туалет. А туалет далеко. Общественный. И вот, ночами люди ходят в туалет с факелами, светильниками, как в ночной клуб. Там люди встречаются, беседуют, знакомятся, ссорятся, дерутся. Одним словом, как ночной клуб в наше время. Такой же сортир для общения, трахания и потребления наркотиков.

На каждый этаж инсулы ведет своя лестница. С этажа на этаж просто так не перейдешь, нужно спускаться во двор.

Комнаты в инсуле маленькие, в ней только маленький стол и деревянный топчан. Часто и стены просто саманные, обмазанные глиной. В комнате постоялец должен иметь емкость для воды, чтобы потушить возможный пожар. А горели инсулы часто, вспыхивали как свечи и, бывало, что погорельцы утром ходили грязные и голодные, не зная, куда приткнуться себя и как дальше жить.

А что? Освещение – масляные светильники. Не так повернулся, светильник упал, масло загорелось и пожар. А если воды в емкости нет, то занимается пламенем весь дом.

Пожар – это стихийное бедствие. Хуже, когда инсула просто рушится. У них строители такие же, как и у нас. Вместо цемента из красного пуццолана (смесь вулканического пепла, пемзы, туфа) брали светло-серый, который менее надежный, чем красный. Вместо бутовых стоек (кладка из природных камней, имеющих неправильную форму; к природным камням относят известняк, песчаник, ракушечник, туф, гранит, а также булыжный камень) ставили деревянные и стойки закапывали не так глубоко. Стены не всегда были деревянные, чаще плетеные из ивняка. В окна иногда вставляли слюду, а чаще их закрывали деревянные ставни с прорезями. И вот такая конструкция рушится среди ночи, оставляя людей без крова.

А сейчас представьте себе ночь в доме, в котором слышно все и каждый скрип кровати является скрипом всего дома. В инсуле живут и семейные пары, и кое-кто приводит к себе в гости женщин. Часам к трем дом затихает и начинается быстрый утренний сон.

Гимн 9 легиона

Кроме драк, на которых мы неплохо зарабатывали, я занялся высоким искусством.

Вы бы посмотрели, как воют римляне стихами без рифм, подыгрывая себе на кифаре. Что такое кифара, вы можете сами узнать, набрав соответствующий запрос в интернет. Изогнутая деревянная дуга, дека и три струны. В советское время все время смеялись над национальными инструментами, пренебрежительно говоря – одна палка три струна, я хозяин своей страна. Точно так же говорили и римляне, считая, что они самые грамотные, самые способные и самые артистичные. А если говорить честно, то и на балалайке три струны, и она ничем не хуже и не лучше инструментов других народов. Просто нужно уважать других людей.

Уважая римскую кифару, я сделал себе новый музыкальный инструмент типа дутара или балалайки. Половина сушеной тыквы. Лист пергамента. Сухожилия. Деревянная палка и маленькая дощечка. На половину тыквы сухожилиями привязывается пергамент, в пергаменте вырезается круглое отверстие. Из палки делается гриф, гвоздиками он аккуратно прибивается к тыкве. В грифе делаются три дырочки, в которые пропускаются сухожилия и закрепляются клинышками. Сухожилия закрепляются в нижней части тыквы и приподнимаются над пергаментом деревянной стойкой. Есть струны и резонатор. Настраиваем струны на «до», «ре», «ми» и начинаем играть что-нибудь легкое, типа: эй, мамбо, мамбу талияна, эй мамбо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.